

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

1863.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено
было въ Цензурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. Марта 7 дня.
1863 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

**Цензоръ, экстраординарный профессоръ богословія,
священникъ *Филаретъ Сергіевскій.***

ПОСЛАНИЕ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО ГРИГО-
РІЯ, ЕПИСКОПА НИССКАГО,

КЪ БРАТУ ЕГО, ПЕТРУ, ЕПИСКОПУ СЕВАСТІЙСКОМУ.

Едва не надолго улучивъ свободное время, по возвращеніи изъ Арменіи, могъ я заняться врачеваніемъ тѣла и собрать записки, по со-вѣту твоего благоразумія составленныя на Евномія, чтобы трудъ мой принялъ наконецъ видъ связнаго слова, а слово сдѣлалось уже книгой. Но писано у меня не противъ обоихъ Евноміевыхъ книгъ; потому что не имѣлъ я столько свободнаго времени; ссудившій меня этою еретическою книгою, по великой нера-счетливости, скоро вытребовалъ себѣ книгу назадъ, и не далъ ни списать ее, ни заняться ею на досугѣ. Пользовавшись ею семнадцать только дней, не имѣлъ я и возможности сдѣ-

латъ, чтобы въ такое короткое время стало меня на обѣ книги.

А какъ многіе, имѣя сколько нибудь ревности объ истинѣ, по распространившемся, не знаю какъ, слуху, что трудился я надъ опроверженіемъ хульника, не однократно приступали ко мнѣ; то заблагоразсудилось мнѣ прежде всего твое благоразуміе употребить совѣтникомъ въ семъ дѣлѣ, надобно ли ввѣрять оноо слуху многихъ, или придумать что-либо иное. Въ недоумѣніе же приводитъ меня слѣдующее: Евноміево слово получилъ я тотчасъ по успешіи святаго Василя, когда сердце кипѣло еще отъ любви, и сильно болѣло объ общей утратѣ церкви, у Евномія же не то одно написано, что, по видимому, служить къ подтвержденію его ученія, но въ большей части книги видна тщательность, съ какою трудился онъ слагать злорѣчивыя нападенія на отца нашего. По этому, возмущенный оскорбительными Евноміевыми выраженіями, и я высказалъ по мѣстамъ нѣкоторое раздраженіе и воспламененіе сердца на сего писателя. Поелику же многіе, можетъ быть, инаго о насъ миѣнія, а именно, что, по ученію онаго святаго, навывкнувъ, сколько можно, скромности въ нравѣ, способны мы быть терпѣливыми къ дерзкимъ противъ насъ до безчинія; то убоялся я, чтобы за написанное мною о противникѣ читатели не почли меня, какъ легко раздражающагося

злословіемъ оскорбляющихъ, какимъ-то новичкомъ: развѣ, можетъ быть, признать меня таковымъ воспренятствуетъ то, что приведенъ я въ гнѣвъ сказаннымъ не противъ меня самаго, но противъ отца. Ибо въ такихъ случаяхъ соблюдающій скромность неизвинительнѣе, можетъ быть, раздражающагося.

Если же первая часть слова покажется нѣсколько непохожею на состязаніе; то рассуждаю, что осмотрительный судія одобритъ такую бережливость въ словѣ. Ибо не должно было, какъ доброе мнѣніе о великомъ, подрываемое хулами противника, оставлять незащищеннымъ, такъ и цѣлое слово напоминать защищеніемъ, и здѣсь и тамъ заводя о немъ споръ. Сверхъ того для рассуждающаго со всею точностію и это составляетъ часть состязаній. Ибо такъ какъ слово противника имѣетъ въ виду двѣ отдѣльныя цѣли, и насъ оклеветать и осудить здоровое ученіе; то по сему и наше слово должно быть направлено противъ того и другаго. Но для ясности, и чтобы не прерывать связи въ изслѣдованіяхъ о догматѣ вставками, содержащими въ себѣ опроверженіе клеветы противника, по необходимости произведемъ сіе раздѣливъ на двѣ части, въ началѣ занялись мы оправданіемъ себя отъ взводимаго на насъ, а послѣ сего, по мѣрѣ силъ, вступили въ споръ съ сказаннымъ противъ догмата. Заключаетъ же въ

себѣ слово не только опроверженіе еретическихъ предположеній, но также ученіе и изложеніе нашихъ догматовъ. Ибо постыднымъ для себя и вовсе не благороднымъ почли мы, когда враги не скрываютъ того, что ни съ чѣмъ не сообразно, не имѣть намъ смѣлости высказать истину.

ПОСЛАНИЕ

ПЕТРА СЕВАСТІЙСКАГО КЪ БРАТУ ЕГО
СВЯТОМУ ГРИГОРІЮ НИССКОМУ.

Богочестивому брату Григорію Петръ желаетъ о Господѣ радоваться.

Прочитавъ письмо твоего преподобія, и въ словѣ противъ ереси примѣтивъ ревность объ истинѣ и о святомъ нашемъ отцѣ, призналъ я слово сіе дѣломъ не твоей силы, но силы Благоустроившаго, чтобы въ ученіяхъ Его глаголала истина. Но какъ утверждаю, что защиту истины всего лучше восписать самому Духу истины; такъ кажется мнѣ, что и усиліе возставать противъ здоровой вѣры должно присвоить не Евномію, но самому отцу лжи. И сей *человѣкоубійца искони* (Іоан. 8, 44.), говорившій въ Евноміѣ, какъ видно, тщательно изощрилъ на себя мечъ. Ибо еслибы не восталъ онъ съ такою дерзостію на истину, то никто не подвигъ бы тебя на защиту догматовъ

благочестія. Посему *запинаай прелюдрымъ въ коварствъ ихъ* (1 Кор. 3, 19.), чтобы наипаче обличилась гнилость и несостоятельность ихъ ученій, дозволилъ имъ и возставать противъ истины, и въ пустомъ этомъ словоплетеніи поучаться тщетнымъ (Пс. 2, 1.).

Итакъ, поелику начавшій благое дѣло и совершить оное; то не ослабѣвай и ты, служа силѣ Духа, и не въ половину окажи себя доблестнымъ въ борьбѣ съ вооружающимися противъ славы Христовой, но подражай истинному отцу твоему, который, подобно ревнителю Финеесу, однимъ ударомъ обличенія вмѣстѣ съ учителемъ пронзилъ и ученика. Такъ и ты словесною дланію вонзи съ силою духовный мечъ въ обѣ еретическія книги, чтобы змій, по сокрушеніи главы его, не приводилъ неопытныхъ въ страхъ трепещущимъ еще хвостомъ. Ибо если, по низложеніи первыхъ частей сочиненія, окончаніе оставлено будетъ неизслѣдованнымъ, многіе останутся при той мысли, что оно имѣетъ еще нѣкую силу противъ истины.

Оказывающееся же въ словѣ раздраженіе для душевныхъ чувствилищъ замѣняетъ приправу соли. Ибо какъ, по словамъ Іова, *не съестся хлѣбъ безъ соли* (Іов. 6, 6.); такъ слово, неприправленное таинственными Божіими реченіями, было бы не поразительно, и не возбуждало бы пожеланія.

Посему дерзай, чтобы стать добрымъ примѣромъ для будущихъ поколѣній, научая, какъ благопризательнымъ дѣтямъ надлежитъ вести себя передъ добрыми отцами. Ибо, если бы оказалъ ты такое раченіе противъ осмѣливающихся подрывать доброе мнѣніе о святомъ, когда продолжалъ онъ еще земную жизнь, то неизбѣжалъ бы, можетъ быть, клеветы, что оказываешься какимъ-то льстецомъ. Но теперь душевную искренность и дѣйствительность того благорасположенія, какое имѣешь къ приведшему тебя во свѣтъ духовнымъ рожденіемъ, ясно показываютъ и рачительность о почившемъ, и негодованіе на враговъ его. Будь здоровъ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ЕВНОМІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО СЛОВА.

1.) Предисловіе о томъ, что бесполезно пытаться оказывать благодѣяніе не пріемлющимъ пользы.

2.) О томъ, что справедливо приступили мы къ опроверженію, скорбя о братѣ, подвергнутомъ осужденію.

3.) О томъ, что, въ Евноміевой книгѣ не усматривая ничего важнаго по силѣ ученія, по праву осмѣлились мы на опроверженіе.

4.) О томъ, что много пустословія и излишествъ допустилъ Евномій, не очень заботясь о существенномъ.

5.) О томъ, что не хорошо поступилъ Евномій, въ сочиненіяхъ своихъ осмѣявъ епископовъ: арменскаго Евстаѳія и галатійскаго Василія.

6.) Припоминаніе о начальникѣ нечестія Аэтіѣ и объ Евноміѣ, съ краткими свѣдѣніями о родѣ и о занятіяхъ сихъ мужей.

7.) О томъ, что Евномій обличаетъ самъ себя, сдѣлавъ признаніе, въ чемъ его не обвиняли.

8.) О томъ, что упреки, какіе Евномій дѣлаетъ Василю, какъ оказывается изъ дѣлъ, гораздо приличнѣе сдѣлать ему самому.

9.) О томъ, что, обвиняя Василя, будто бы не стоялъ за ученіе во время состязаній, Евномій самъ оказывается не свободнымъ отъ обвиненія въ этомъ.

10.) О томъ, что всѣ оскорбительныя реченія, какія Евномій употребилъ о Василии, на самомъ дѣлѣ изобличаются въ лживости.

11.) О томъ, что Евномій безъ стыда воспользовался лжеумствованіемъ, построеннымъ на словѣ: награда, и доказываетъ, будто бы по нашему признанію былъ онъ судимъ, а не какъ не обвиняемый составилъ апологію (а).

12.) О томъ, что напрасно укоряетъ за робость показавшаго столько мужества въ состязаніяхъ предъ царемъ и предъ иппархами.

13.) Напоминаніе о томъ, что сказано имъ догматическаго, и раздѣльныя возраженія на сказанное.

(а) Въ греческомъ читается: *την δμολογίαν*; но, судя по содержанию самой главы, читать должно: *την ἀπολογία*.

14.) О томъ, что худо поступилъ Евномій, когда, говоря о спасительномъ догматѣ, не именуеть Отца и Сына и Святаго Духа, какъ предано, но употребилъ инья имена по собственному изволенію.

15.) О томъ, что худо поступилъ, объ одной сущности Отца сказавъ, что она въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называется и есть высшая, и тѣмъ въ тайнѣ наводя на мысль, будто бы сущность Сына и Духа не въ собственномъ смыслѣ такъ называется и ниже сущности Отца.

16.) Изслѣдованіе означаемого словомъ: подчиненіе, поколику Евномій говоритъ, что естество Духа подчинено сущности Отца и Сына; и на семъ изслѣдованіи основанное доказательство, что Духъ Святой равночинець, а не подчиненець Отцу и Сыну.

17.) Изслѣдованіе дѣйствованій, какія сообразны съ естествомъ, и, по словамъ Евномія, слѣдуютъ за сущностию Отца и Сына.

18.) О томъ, что несогласно съ разумомъ поступаетъ Евномій, раздѣляя догматъ на множество сущностей, и не представляя никакого доказательства, что это дѣйствительно такъ.

19.) О томъ, что, сущность Божию называя простою, Евномій допускаеть простоту только въ имени.

20.) О томъ, что худо онъ поступаетъ, измышляя пѣкое предшествующее существо-

ванію Единороднаго дѣйствованіе, которымъ производится вѣпостась Христова.

21.) О томъ, что хула евноміанъ хуже іудейскаго заблужденія.

22.) О томъ, что въ ученіи о Божіей сущности не надлежитъ употреблять реченій: большее и меньшее; и вмѣстѣ съ симъ точное изложеніе церковныхъ догматовъ.

23.) О томъ, что ученіе вѣры не незасвидѣтельствовано, какъ огражденное свидѣтельствами Писанія.

24.) О томъ, что Евномій пустословитъ, въ догматахъ благочестія ухищренно толкуя о величинахъ и разностяхъ дѣлъ и дѣйствованій.

25.) О томъ, что Евномій, доказывая, будто какимъ-то разстояніемъ времени Отець старше Сына, вынужденъ будетъ и Отца назвать безначальнымъ.

26.) О томъ, что и твари не приличествуетъ такой образъ воззрѣнія, какій будто бы, какъ вынуждаютъ къ тому евноміане, долженъ имѣть мѣсто въ разсужденіи Отца и Сына; напротивъ того надлежитъ особо умопредставлять себѣ Сына со Отцемъ, о твари же признать, что она возымѣла начало съ определеннаго времени.

27.) О томъ, что напрасно предполагалъ Евномій, будто тѣже дѣйствованія совершаютъ и тѣже дѣла, и будто различіе дѣлъ доказываетъ, что и дѣйствованія различны.

28.) О томъ, что напрасно предполагалъ, будто бы въ согласіи естество можетъ состояться ненарушимая связь.

29.) О томъ, что напрасно думалъ недоумѣніе о дѣйствованияхъ разрѣшать сущностями, и на оборотъ.

30.) О томъ, что ни одно Божіе слово не повелѣваетъ касаться подобныхъ вопросовъ; при этомъ доказывается суетность любомудрствованія о семъ.

31.) О томъ, что къ вѣдѣнію тождества по сущности достаточно познанія изъ дѣлъ Промысла.

32.) О томъ, что невразумительно утверждаетъ сказавшимъ, будто бы образъ рожденія слѣдуетъ образу унодобленія.

33.) О томъ, что напрасно утверждаетъ Евномій, будто бы естественнымъ достоинствомъ раждающаго показывается образъ рожденія.

34.) Напоминаніе о томъ, что сказано Евноміемъ въ охудженіе слова: Единосущный, и споръ о сказанномъ.

35.) Доказательство того, что ученіе аномеевъ клонится къ манихейству.

36.) Еще краткое мимоходомъ напоминаніе о церковномъ догматѣ.

37.) Защищеніе сказаннаго блаженнымъ Василіемъ, а охуджаемаго Евноміемъ, именно, когда отецъ нашъ говоритъ, что наименованія:

Отецъ и Нерожденный могутъ означать одно и тоже понятіе.

38.) Опроверженіе лжемудрственныхъ умозаключеній, составленныхъ Евноміемъ изъ многихъ епихиремъ.

39.) Отвѣтъ на предлагаемый имъ вопросъ: раждается ли Сущій?

40.) О томъ, что Евномій, обличенный блаженнымъ Василиемъ, безстыдно усиливается стоять за себя.

41.) О томъ, что слѣдующее не одно и тоже съ тѣмъ, за чѣмъ слѣдуетъ.

42.) Истолкованіе значенія слова: нерожденный, и умопредставленіе о присносущемъ.

---

1. Желать всѣмъ благодѣтельствовать и всякому человѣку въ цѣломъ мірѣ, кто бы онъ ни былъ. безъ разбора расточать свою милость, равно какъ и на неисцѣльно больныхъ тратить запасъ многихъ врачевствъ, кажется мнѣ. есть дѣло не возможное и не свободное отъ осужденія многими; потому что, не смотря на полезную цѣль, не доставляетъ ничего достойнаго тщательныхъ усилій: ни выгоды принимающимъ пособіе, ни похвалы раздающимъ его щедро. Напротивъ того подобное сему дѣлается часто поводомъ къ худшему: ибо какъ больные и близкіе уже къ смерти сильно

дѣйствующими врачевствами легко приводятся въ конечное разстройство; такъ звѣронравныя и неразумныя, будучи облагодѣтельствованы, отъ несбереженія бисеровъ, какъ говоритъ нѣгдѣ евангельское слово (Матѣ. 7, 6.), дѣлаются худшими. Посему, кажется мнѣ, хорошо при раздаяніи даровъ, какъ предрекло Божіе слово, отличать немѣющее цѣны отъ драгоцѣннаго, чтобы благи щедролюбца не опечалилъ поправшій бисеръ и безчувственностію къ прекрасному поругавшій благодѣяніе.

2. Пришло же мнѣ на мысль сказать это, когда представилъ себѣ щедро сообщавшаго всѣмъ собственныя свои доброты, разумію челоуѣка Божія, эти уста благочестія -- Василія, который отъ избытка духовныхъ сокровищъ и въ злохудожныя души безъ разбора изливалъ благодать премудрости, даже и въ непризнательнаго къ старавшимся сдѣлать ему какое либо добро Евномія. Ибо послѣдній по чрезмѣрности душевнаго недуга, отъ котораго изнемогалъ въ дѣлѣ вѣры, жалкимъ казался для всѣхъ принадлежащихъ къ церкви. И кто сколько не сострадателенъ, чтобы не сжалиться надъ погибающимъ? Василія же единственно подвигло принять на себя врачеваніе то, что онъ одинъ въ преизбыткѣ челоуѣколюбія отважился цѣлить и трудно больныхъ, и вотъ въ скорби о гибели мужа, по

естественной ему сострадательности къ бѣдствующимъ, какъ нѣкое противоядіе вреднымъ отравамъ, составилъ онъ слово въ опроверженіе ереси, имѣя цѣлю чрезъ это сдѣлать чело-вѣка снова здоровымъ и возвратитъ Церкви.

3. А онъ, какъ пораженный помѣшательствомъ ума, противится врачующему, объявляетъ ему войну, борется, и усиливающегося изъять его изъ бездны нечестія почитаетъ врагомъ. И не просто, не случайно, не по временамъ впадаетъ въ такое безуміе, но воздвигаетъ письменный памятникъ желчнаго своего состоянія. И на долгое время, на какое только хотѣлъ, улучивъ себѣ досугъ, во все продолженіе онаго породилъ книгу, носившись съ нею дольше, нежели великорослые и тяжеловѣсные звѣри съ своимъ плодомъ; и чревать былъ угрозами, въ тайнѣ еще возвращая свой плодъ, и поздно уже и то съ трудомъ произвелъ на свѣтъ нѣкій недоносокъ и викидышъ, который всѣ участвующіе въ томъ же разномысліи откармливаютъ млекоу. А мы, по пророческому ублаженію, въ которомъ сказано: *блаженъ, иже иметъ и разбьетъ младенцы твоя о камень* (Псал. 136, 9.), положили это младенческое словесное произведеніе, какъ одно изъ чадъ вавилонскихъ, когда бы дошло и до нашихъ рукъ, взять и ударить о камень (*камень же блъ Христосъ* 1 Кор. 10, 4.), то есть, слово истины), только бы снизошла и на насъ сила, укрѣпляющая

неможное по молитвамъ въ помощи тѣла совершившаго силу свою.

Если бы и нынѣ еще плотскими очами взирала на человѣческую жизнь богоподобная и святая оная душа, и высокія ея уста, по данной имъ изъ начала въ удѣлъ благодати, издавали непреоборимый оный гласъ; то дошелъ ли бы кто до толикой самоувѣренности, чтобы отважиться и сказать что-нибудь о семъ же предметѣ, когда всякаго слова и всякаго гласа громозвучнѣе божественная оная труба? Поелику же всецѣло вознесся къ Богу сей и прежде малымъ нѣкимъ и тѣни подобнымъ останкомъ тѣла касавшійся земли, а большею частию воспарявшій къ Богу, нынѣ же и эту тѣнь тѣла отложившій и оставившій здѣшнему міру; между тѣмъ имели жужжать вокругъ сотовъ слова, и портятъ медъ: то пусть никто не обвинить въ смѣлости меня, возставшаго на защиту безмолвствующихъ устъ. Ибо, не какъ преимущественно предъ другими сознавшій въ себѣ нѣкую силу слова, принялъ я на себя этотъ трудъ; но не менѣе всякаго другаго въ точности зная, что въ церкви многія тысячи украшающихся дарованіемъ премудрости. Однако же поелику, сказываю это, достояніе преставившагося, и по писаннымъ и по естественнымъ законамъ, болѣе нежели всякому другому, принадлежитъ мнѣ; то посему сверхъ инаго я же присвоваю себѣ и наслѣдіе слова,

хотя причисляюсь къ послѣднимъ изъ составляющихъ Церковь Божию, но не уступаю въ силахъ отторгнутому отъ Церкви и перенедшему на сторону сопротивныхъ, потому что въ здоровомъ тѣлѣ и самый малый членъ, по согласію его съ цѣлымъ, сильнѣе члена поврежденнаго и отсѣченнаго, хотя послѣдній будетъ больше, а первый меньше.

4. Но по причинѣ этихъ словъ никто да не подумаетъ о мнѣ, будто бы велерѣчу, какъ напрасно величающійся силою большею той, какая у меня есть. Ибо не вопреки приличію, но какому-то дѣтскому любочестію вступаю въ дѣло съ симъ человѣкомъ для состязанія на словахъ, или для показанія своей добротѣчливости. Что имѣть въ большемъ количествѣ бесполезно и ни къ чему не служитъ, въ томъ съ готовностію уступаемъ желающимъ побѣды. А что Евномій много упражнялся въ словѣ, догадываюсь, кромѣ прочаго, смотря и на самое сіе занятіе догматомъ, особенно же на то, сколько трудился онъ надъ сложеніемъ настоящаго сочиненія, заключая и изъ того, что на произведеніе сіе потрачена не малая часть жизни писателя, а также и изъ того, что любители его со всею чрезмѣрностію восхищаются этимъ трудомъ. И нѣтъ ничего невѣроятнаго, что трудившійся столько олимпіадъ изготавилъ нѣчто большее, чѣмъ набросавшіе кое-что наскоро. А такую усид-

чивую обработку словъ показываютъ больше мелочная тщательность о наружномъ складѣ словосочиненія. какое-то излишество и суетность въ заботливости о подобномъ тому. Ибо изъ готоваго запаса, взятаго изъ какихъ-то книгъ, набравъ груду словъ, въ члелѣ которыхъ немногія понятны, тщательно склавъ въ какую-то неизмѣримую кучу изреченій, произвелъ многотрудное оное твореніе, которое хвалятъ и съ удивленіемъ принимаютъ ученики обмана, можетъ быть, по слѣпотѣ, пренятствующей видѣть полезное. лишеныя способности отличить все прекрасное отъ неподобнаго тому; осмѣиваютъ же и вмѣняютъ ни во что оное тѣ, у кого сердечное зрѣніе не омрачено скверною невѣрія. Ибо кто не въ правѣ посмѣяться, видя, что по общанію предметомъ тщанія должна служить истина догматовъ, между тѣмъ самое тщаніе безъ всякаго усилія обращено на отыскиваніе малопримечательныхъ реченій и прикрасъ? И помогутъ ли сколько нибудь къ большему, какъ онъ думаетъ, обличенію сказаннаго и къ подтвержденію истины искомаго, какое - то странное примышленіе прикрасъ въ словѣ, имѣющее видъ новости и особенности словосочиненіе, изысканная оскорбительность рѣчи, и опять оскорбительная изысканность, не какимъ либо соревнованіемъ предшествовавшему вызванная на трудъ? Ибо никому не отыскать,

кого изъ пріобрѣтшихъ извѣстность по словесности имѣя предъ очами, могъ бы онъ и самъ пуститься на это, подобно какому-то зрѣлищному чудодѣю, соответственными равносложными, подобозвучными, подобооканчивающимися реченіями, какъ бы бряцалами, въ мѣрныхъ выраженіяхъ разыгрывая рѣчь. Таковы, сверхъ многого другаго, и въ предисловіи у Евновія роскошные эти переливы звуковъ, пѣжные припѣвы, которые, по моему мнѣнію, и произноситъ онъ, можетъ быть, не съ спокойною наружностію, а напротивъ того выговариваетъ, притопывая ногою, и съ пріятностію прищелкивая вмѣстѣ въ ладъ пальцами, и сказываетъ, что при этомъ ни въ чемъ болѣе нѣтъ нужды, ни въ другихъ словахъ, ни въ новыхъ трудахъ.

Итакъ, уступивъ ему преимущество въ этомъ и въ подобномъ сему и право упоеваться побѣдою, добровольно отложу въ сторону всякое о семъ стараніе, какъ приличное однимъ имѣющимъ въ виду честолюбіе, если только вообще услаждаться такими сочиненіями—удовлетворяетъ какому либо честолюбію; потому что и истинный служитель слова Павель, украшаясь одною истиною, какъ самъ почиталъ постыднымъ прикрашивать слово такими пестротами, такъ и насъ обучилъ имѣть въ виду одну только истину, прекрасно и надлежащимъ образомъ узаконяя сіе. И кто

украшенъ лѣнотою истины, тому какая надобность въ изысканности прикрасъ къ довершенію красоты поддѣльной и ухищренной? Въ комъ нѣтъ истины, тѣмъ, можетъ быть, полезно поддѣлывать ложь пріятностію реченій, вмѣсто какой-то краски употребляя такую изысканность въ слогѣ сочиненія. Въ такомъ случаѣ вѣроятнымъ и достойнымъ одобренія для слушающихъ сдѣлается обманъ расцвѣченный и не узнаваемый подъ такими прикрасами слова. Когда же ищеть кто истины чистой безъ примѣси всякаго обманчиваго покроя; тогда сама собою просіяваетъ въ словахъ красота.

Но приступая уже къ изслѣдованію сказаннаго Евноміемъ, затрудняюсь, по видимому, какъ иный земледѣлецъ въ безвѣтріе, не имѣя способа, какъ отдѣлать миѣ плодъ отъ мякны. Въ этой же кучѣ словъ лишняго и похожего на мякнуну столько, что недалеко бываешь отъ мысли—во всемъ сказанномъ у Евномія вовсе не признать ни одного основательнаго ни дѣла, ни понятія. Ибо перебирать по порядку все имъ написанное признаю пустымъ занятіемъ, а вмѣстѣ труднымъ и песообразнымъ съ нашею цѣлію. Не столько же у насъ досуга, чтобы въ правѣ мы были заниматься дѣломъ пустымъ; и искусному дѣлателью прилично, думая, тратить силу не на пустое, а на то, надъ чѣмъ трудъ имѣеть несомнѣнный плодъ.

Посему умалчиваю о томъ, какъ Евномій прямо во вступленіи, величая себя защитникомъ истины, нападаетъ на противниковъ съ укорижною въ невѣрїи, говоря, что въ нихъ поселена какая-то постоянная и неистребимая ненависть, и какъ гордится онъ тѣмъ самымъ, за что недавно осужденъ (хотя не выставляетъ на видъ какихъ либо обвиненій, а говоритъ, что былъ у нихъ какой-то судъ о чемъ-то сомнительномъ. и что какое-то законное право на дерзкихъ не по праву налагаетъ необходимость вести себя цѣломудренно, выражаетъ же это собственными словами, лидійскимъ онымъ складомъ, именно такъ: «дерзкихъ не по праву вынудило стать цѣломудренными законное право,» которое Евномій наименовалъ «воспрещеніемъ» возставшимъ, не знаю, что разумѣя подъ симъ воспрещеніемъ);—все сіе и подобное сему, какъ пустую кучу словъ, не ведущихъ ни къ чему полезному, миную въ словѣ. Если же дѣлается что въ какую либо защиту еретическаго мудрованія; то признаю приличнымъ обратить на это наибольшее тщаніе. Такъ поступилъ и истолкователь божественныхъ догматовъ въ сочиненіи своемъ. Когда многое могло служить къ распространенію слова его, держась законовъ необходимости, отсѣкаетъ онъ большую часть содержанія, изъ всего сказаннаго въ книгѣ нечестія избравъ, что было главнаго въ хулѣ.

Если же кто требуетъ, чтобы послѣдовательно по порядку Евноміева сочиненія ведено было и наше; то пусть скажетъ выгоду отъ этого. Чтò большаго пріобрѣтется слушателями, если разрѣшу тайный смыслъ надписанія, эту загадку, какую, подобно сфинксу въ трагедіи, предлагаетъ намъ Евноміи вдругъ въ самомъ вступленіи, а для сего буду разбирать небывалую эту апологію апологін, и множество пустыхъ о семь толковъ, и длинный рассказъ о сонныхъ грезахъ. Ибо, думаю, достаточно досадить читателямъ и въ Евноміевой только книгѣ сохранившаяся тонкость и пустота новости въ надписаніи сочиненія, а вмѣстѣ и обременительность рассказовъ о своихъ дѣлахъ. Ибо какихъ не описываетъ трудовъ и подвиговъ своихъ, пронесшихся по всей сушѣ и морю, и провозглашенныхъ въ цѣлой вселенной? И если снова писать объ этомъ и, какъ естественно, съ присовокупленіемъ обличеній лжи, отъ которыхъ увеличится сочиненіе; то окажется ли кто столько твердымъ и крѣпкимъ, какъ адамантъ, чтобы не почувствовать отвращенія отъ неумѣстности труда? Если даже буквально перепишу восторженную эту исторію, кто былъ при Евксинскомъ Понтѣ опечалившій его прежде сходствомъ имени, какова была его жизнь, какія занятія, какъ по сходству въ нравѣ разошелся съ этимъ Армянскимъ, на чемъ потомъ согла-

силнсь и помирилнсь они между собою, такъ что Евномій вступилъ въ единомысліе съ неодолимымъ онымъ и пресловутымъ (ибо сими чествуетъ его похвалами) учителемъ его Аэтіемъ; за тѣмъ какое было ухищреніе, и какія козни противъ него, по которымъ челоуѣка сего представили въ судъ, вмѣняя ему въ вину, что его хвалятъ, и онъ выше другихъ; если буду пересказывать все это: то, подобно навлекающимъ на себя глазную болѣзнь долгимъ обращеніемъ съ заболѣвшими прежде ихъ, не покажусь ли и я самъ поднавшимъ недугу рачительности о пустомъ, идя по слѣдамъ суетловія и изслѣдывая въ подробности, о какихъ говоритъ Евномій рабахъ, отпущенныхъ на волю, о какомъ союзѣ посвященныхъ въ тайны, о какомъ ополченіи невольниковъ, что значать вошедшіе въ рѣчь Монтіи, Галль, Домеціанъ, живые свидѣтели, гнѣвающійся царь, и нѣкоторые изъ посланныхъ въ изгнаніе? Ибо что будетъ пустѣе этихъ разсказовъ для намѣревающагося не простую изложить исторію, но обличить оспоривающаго догматъ ереси? Гораздо же наче въ большой еще мѣрѣ бесполезны будутъ историческія на это поясненія. Ибо думаю, что и самъ сочинитель не прочтетъ ихъ, задремавъ, хотя отцами и обладаеть нѣкая естественная нѣжность къ происшедшимъ отъ нихъ; ибо тамъ объясняются, конечно, дѣянія, высоко превозносятся словомъ стра-

данія, и исторія передѣзывается въ напыщенную трагедію.

5. Но чтобы самымъ отказомъ, продолженнымъ болѣе надлежащаго, не тратить времени на бесполезное, и какъ тотъ, кто гонитъ коня по грязи, и самъ отъ того исполняется не-приятности, такъ и мнѣ, поведя слово по порядку припоминаемаго изъ Евноміева писанія, не загрязнить своего сочиненія: почитаю приличнымъ весь таковой соръ въ Евноміевомъ писаніи, сколько будетъ возможно, оставить позади себя, сдѣлавъ высокій и быстрый скачекъ словомъ. Ибо достаточная выгода—скорое устраниеніе неприятностей; тогда слово поспѣшитъ къ концу исторіи, и горечь ихъ реченій не сообщится и моему книгѣ. Ибо пусть Евноміевымъ только устами прилично будетъ іереевъ Божіихъ называть подобными сему именами: «щитоносцами, жезлоносцами, копьеносцами, которые страшатъ допытывающихся, не позволяютъ утаиться скрывающемуся.» И все иное писать на сѣдшии іереевъ не стыдится Евномій. Какъ въ училищахъ свѣтской словесности для упражненія въ развязности языка и ума предлагается отрокамъ содержаніе, за что нападать на какое либо не-поименованное лице; такъ точно и этотъ писатель выступаетъ противъ упомянутыхъ іереевъ, и нападать на нихъ даетъ свободу злорѣчивому языку, и, умолчавъ о худыхъ дѣлахъ,

уготовляетъ имъ негодованіемъ изблеванную смѣсь оскорбленій, отъ себя вымышляя всякія укоризны, и въ злословіи своемъ сложивъ вмѣстѣ несоединимыя наименованія: «чечевицею питающійся воинъ, отвратительный святой, поблѣднѣвшій отъ поста, но по жестокости дышущій убійствомъ.» и много подобныхъ сему насмѣшекъ. Какъ иный разгорячается на языческихъ торжествахъ, и въ избыткѣ безстыдства безъ личины предается буйству: такъ Евномій, никакой завѣсой не прикрывая своей горечи, яснымъ и безстыжимъ голосомъ произноситъ, какъ съ колесницы. Потомъ признается, что раздражаетъ его: они, говоритъ, приложили стараніе, чтобы немногіе вдали въ обманъ нашъ; и негодуетъ на то, что евноміане не имѣютъ права жить вездѣ, гдѣ бы хотѣлось, но, по повелѣнію державствовавшаго тогда, мѣстомъ ихъ жительства стала Фригія, чтобы не многіе терпѣли вредъ отъ дурнаго сообщества. И объ этомъ, гнѣваясь на сіе, пишетъ: «велика была тяжесть подвиговъ, невыносимы скорби, мужества требовало претерпѣніе страданій, когда родину замѣнила для нихъ Фригія.» Подлинно такъ! Ибо случившееся не послужило въ укоръ уроженцу Олтисірія (б), не повлекло за собою

(б) Каппадокійскаго селенія, въ которомъ родился Евномій.

упадка отцевской чести, не оскорбляло достоинство рода: такъ что этотъ именитый и пресловутый Прискъ, отецъ сего отца Евномія, едва ли бы самъ не избралъ того, на что теперь негодуешь Евномій. Отъ отца у него славныя и замѣчательныя сказанія о родѣ: мельница, кожаная одежда, служительское содержаніе, и прочее наслѣдіе Хаанаана. И при этомъ пужно было порицать содѣйствовавшихъ ихъ переселенію! Согласенъ съ этимъ и я, что подлинно достойны ихъ упрековъ содѣлавшіеся для нихъ виновниками этого, если только вообще есть, или были, какіе виновники: потому что свѣдѣнія о прежней жизни, помраченныя этимъ, умаляютъ память людей почтенныхъ, и не позволяютъ полюбопытствовать о томъ, что старше настоящаго, въ какомъ достоинствѣ сначала вступили въ дѣло тотъ и другій, какій уставъ для жизни принявъ отъ отцевъ, что изъ приличнаго людямъ свободнымъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, сознавъ въ себѣ, пришли потомъ въ такую извѣстность и именитость, что знаютъ ихъ и цари, какъ Евномій величается теперь въ своемъ сочиненіи, и всѣ высшія начальства ради ихъ пришли въ движеніе, и въ большей части вселенной разносится о нихъ молва.

6. Ужели дѣйствительно нанесена этимъ весьма великая обида или самому этому писателю, или его защитнику и наставнику въ

подобной жизни. Аэтію, которому, какъ мнѣ кажется, соревновалъ Евноміи, имѣя въ виду не столько увлекательность догматовъ, но гораздо болѣе довольство и выгоды жизни? Говорю же это, не по догадкамъ какимъ либо заключаая, но собственными ушами слышавъ отъ знавшихъ въ точности: ибо объ Аэтіи этомъ слышалъ я рассказы Аѳанасія, епископа галатійскаго, такого мужа, который ничего не предпочелъ бы истинѣ, да и во свидѣтельство большей части сообщаемого имъ показывалъ писмо Георгія лаодикійскаго. Сказывалъ же онъ, что Аэтіи не съ юнаго возраста вдаея въ догматическія нечѣности, но въ послѣдствіи времени нововведеніе сіе обратилъ въ жизненный промыселъ. Ибо, оставивъ уже обработываніе виноградника, при которомъ прислуживалъ (а какъ, не почитаю нужнымъ говорить о томъ, чтобы не показалось, будто бы веду рассказъ злонамѣренно), сначала дѣлается онъ ковачемъ, занимается этимъ съ огнемъ неразлучнымъ кузнечнымъ ремесломъ, съ короткимъ молотомъ сидитъ у малой наковальни въ волосяномъ шалашѣ среди нечистотъ, и этою работою съ трудомъ добываетъ необходимое для жизни. Ибо могла ли быть какая либо значительная плата починивающему изломанныя вещи, за дѣлывающему скважины, расколачивающему ударами олово, изъ свинца отливающему под-

донки котловъ? Но отъ этого ремесла постигшая его нѣкая бѣда дѣлается причиною перемѣны въ жизни. Въ одно время у жень-война взявъ какую то золотую вещь, служившую украшеніемъ шеи или руки, чтобы исправить сдѣланное на ней ударомъ поврежденіе, умышленно обманулъ эту женщину: золотую вещь взялъ себѣ, а ей отдалъ мѣдную, той же величины съ золотою и сходную по наружности отъ одинаковаго на поверхности цвѣта; потому что мѣдь покрылъ золотомъ. И женщина приведена была въ обманъ видимостію: потому что Аэтіи силенъ былъ въ своемъ дѣлѣ, и хитростями своего ремесла могъ обманывать пользовавшихся его работою; но со временемъ, когда позолота съ мѣди сошла, открыла подмѣну золота. Потомъ тать приведенъ въ судъ, нѣсколько воиновъ по родству и соплемениности пришли въ гнѣвъ. Аэтіи, за дерзкій этотъ поступокъ претерпѣвъ все, что справедливо было потерѣтъ обманщику и татю, съ клятвою отказался продолжать ремесло: какъ будто не произволеніемъ, но родомъ занятій произведено въ немъ пожеланіе татьбы. Послѣ сего встунаетъ въ товарищество къ какому-то обманщику врачу, чтобы не во все оставаться безъ необходимаго пропитанія и подъ предлогомъ врачеванія посѣщать темныя дома и какихъ-то отверженныхъ людей. Потомъ чрезъ нѣсколько времени, поелику при-

думанное средство послужило Аэтію въ прибыль, и какой-то Армянинъ, котораго, какъ варвара, легко было обмануть, убѣжденъ слушаться его какъ врача, и часто давалъ ему денегъ; Аэтіи почелъ уже низкимъ работать другимъ въ дѣлѣ искусства, но пожелалъ самъ быть и именоваться врачомъ. Съ этого времени принималъ онъ участіе въ собраніяхъ врачей, и сходясь съ состязующими на словопреніяхъ, сталъ однимъ изъ крикуновъ. И стремительною слова заслуживъ уваженіе, сдѣлался предметомъ немалаго искательства для тѣхъ, которые безстыдныхъ языкомъ нанимають для состязаній своихъ.

Вкуснѣе отъ этого становился у него кусокъ, однако же не признавалъ Аэтіи, что должно ему остаться въ этомъ родѣ жизни, напротивъ того началъ понемногу послѣ кузнечнаго промысла кидать и врачебный. Когда же богоборецъ Аріи сталъ посѣвать лукавыя эти сѣмена плевель, плодомъ которыхъ были догматы аномеевъ; тогда врачебныя училища огласились шумомъ объ этомъ вѣпросѣ. Посему занявшись такими разысканіями, и изъ Аристотелевыхъ уроковъ замѣтивъ нѣкій способъ умозаключеній, Аэтіи содѣлался именитымъ, новостію изобрѣтеній превзойдя отца ереси Арія, лучше же сказать, какъ выразумѣвшій связь Аріевыхъ положеній, почтенъ человекомъ тонкаго ума, открывающимъ со-

кровенное, потому что утверждалъ, что сотворенное и происшедшее изъ ничего не подобно Сотворшему и произведшему изъ ничего.

Посему, какъ скоро любящій повости слухъ страждущихъ тою же болѣзнію пощекоталъ онъ таковыми рѣчами, узнаеть о нововведеніи сень Теофиль Влемидъ, и какъ у него еще прежде была какая-то связь съ Галломъ, то Аэтіи введенъ имъ во дворець. И какъ въ это время Галль отважился на злый умыселъ противъ епарха Домеціана и Монтія, то всѣ сообщники въ скверномъ дѣлѣ по справедливости участвовали въ надеши Галловомъ; но Аэтіи избѣгаетъ наказанія, даже не признавъ заслуживающимъ потернѣть что либо худое съ совиновниками злаго умысла. Сверхъ того, поелику Аѳанасій великій царскою властію былъ удаленъ изъ церкви александрійской и Георгій Тарвастинитъ терзалъ этотъ народъ; Аэтіи — снова Александріецъ, не уступающій ни одному изъ тѣхъ, которыхъ кормилъ и снабжалъ хлѣбомъ этотъ Каппадокіянинъ, потому что Аэтіи не пренебрегалъ лестію, а Георгій радъ былъ этому, издавна будучи плѣнень извращеніемъ догмата, и охотно готовъ служить находкою для Аэтія.

Посему не укрывается это и отъ истиннаго Аэтіева сопернователя, отъ сего Евномія, который отъ отца своего по естеству, человекъ прекраснаго по всему иному, кромѣ того, что

содѣлался отцемъ такого отца, научился пре-
провожденію жизни благонамѣренному и за-
конному, но тягостному по бѣдности и не-
полненному тысячей трудовъ (отецъ Евно-
міевъ былъ какой-то земледѣлецъ, согбен-
ный надъ плугомъ, прилагавшій много тру-
довъ надъ небольшимъ участкомъ земли, въ
зимнее же время, когда была свобода отъ земля-
ныхъ работъ, искусно выводилъ дѣтямъ бук-
вы и склады, и платою за это добывалъ себѣ
потребное для жизни). Почему, видя такое по-
ложеніе отца своего, разстается съ плугомъ,
съ мотыкою и со всеми рабочими отцовскими
орудіями, чтобы и самому не бѣдствовать въ
подобныхъ трудахъ, и сперва дѣлается учени-
комъ Пруниковой мудрости. Обучившись скоро-
писи, снала жилъ, какъ полагаю, у кого-то
изъ сродниковъ, въ плату за письменную
услугу получая пропитаніе. Потомъ, обучая
дѣтей доставлявшаго ему пропитаніе, по не-
многу начинаетъ ощущать въ себѣ желаніе
сдѣлаться риторомъ. Умалчиваю о томъ, что не-
посредственно за симъ слѣдовало, о жизни его
на родинѣ, о томъ, въ какихъ занятіяхъ и съ
кѣмъ найденъ онъ въ Константинополѣ. Послѣ
же этого, какъ говорятъ, занимался онъ при-
готовленіемъ шерстяныхъ плащей и поясовъ.

Поелику Евномій видѣлъ, что все это мало-
важно, и что пріобрѣтаемое рачительною
объ этомъ не стѣитъ и пожеланія; то, оста-

вивъ прочіе промыслы, предпочелъ всему одного только Аэтія, не безъ разума, какъ думаю, но сообразно съ своею цѣлію избравъ этотъ путь въ жизни. Ибо съ того времени, какъ сталъ причастнымъ несказанной оной мудрости, все произрастаетъ у него безъ поѣва и безъ воздѣланія; потому что свѣдущъ въ томъ, о чемъ прилагаеть стараніе, и приобрѣлъ свѣдѣніе, какъ наипаче можетъ привлекать на свою сторону людей болѣе страстныхъ. Такъ какъ человѣчество по большей части всего скорѣе уловляется сластолюбіемъ, и къ этой страсти велика склонность естества, которое съ готовностію отъ суровыхъ занятій ниспадаетъ въ игру сластолюбія: то, чтобы, какъ можно, большее число своихъ сообщниковъ подвергнуть одной съ собою болѣзни въ разсужденіи догматовъ, для сего именно дѣлается угодникомъ тайноводствуемыхъ имъ, отстраняя неудобства и трудности добродѣтели, какъ мало убѣждающія къ принятію тайны. А чему учать въ сокровенности, что провозглашаютъ явно и приводятъ въ ясность въ слѣдствіе обмана пріятніе эту скверну, это неизрекаемое тайноводство, и чему научаются у досточестнаго священноистолкователя таинствъ, о способѣ крещеній, объ извинительности естества и о всемъ подобномъ; ежели есть у кого досугъ дознать сіе въ точности, пусть спрашиваютъ "у тѣхъ,

для кого не составляет вины произнести устами что-либо неприличное. А мы умолчимъ о семъ; потому что непозволительно даже обвинителямъ упоминать о подобномъ, если они научились и въ словѣ чтить чистоту, а не чернить свое писаніе самыми точными разсказами, даже когда скажется въ нихъ и правда.

Но почему приводилъ я на память сказанное? Потому что, какъ Аэтію источникомъ нечестія послужило Аристотелево искусство извращать истину, такъ и усовершенствовався его ученику дана тѣмъ же возможностью наравнѣ съ учителемъ богато жить простотою обманутыхъ. Чѣмъ же столько обидѣли его Василій съ Евксинскаго Понта или Евстаѳій изъ Арменіи, о которыхъ у него тянется длинная вставка историческаго разсказа? Чѣмъ помѣшали ему достигнуть цѣли жизни? Не на большей ли паче высотѣ поддержали новую ихъ славу? Ибо откуда у нихъ извѣстность и столь великая именитость? Не отъ оныхъ ли мужей, если только говорить о нихъ правду обвинитель? Ибо то самое, что приобрѣтшіе славу, какъ свидѣтельствуешь сочинитель, признали достойными себѣ противниками не имѣвшихъ вовсе извѣстности, естественно послужило поводомъ высоко о себѣ думать сямъ, вступившимъ въ борьбу съ мужами, предпочтительно предъ другими, имѣющими преимущество. А отъ сего

произошло то, что низость и безызвѣстность прежней жизни остаются въ тѣни; и съ этого времени пріобрѣтають извѣстность тѣмъ, чего имѣющимъ умъ напротивъ было бы должно бѣгать. Ибо никто изъ благомыслящихъ не пожелаетъ, чтобы за худое дѣло почли его великимъ; но для подобныхъ смѣ людей это кажется самымъ крайнимъ предѣломъ благополучія. Такъ разсказываютъ объ одномъ изъ неславныхъ и ничтожныхъ жителей Асіи, что пожелалъ сдѣлаться именитымъ у Ефессевъ. Какого либо великаго и славнаго дѣла и на умъ ему не приходило, да и не могло придти; но онъ дѣлается замѣчательнымъ болѣе, нежели пріобрѣтшіе извѣстность дѣлами самыми великими, придумавъ Ефесеямъ въ высшей мѣрѣ причинить утрату. Было у нихъ одно общественное зданіе, обращавшее на себя взоры великолѣпнѣмъ всякаго рода и многоцѣнностію; этотъ же человѣкъ, великое сіе произведеніе уничтоживъ огнемъ, подвергнутый суду за дерзость, признался въ душевной своей страсти, -- а именно, что признавая важнымъ быть извѣстнымъ у многихъ, придумалъ это, чтобы по великости зла памятно съ нимъ было и имя отважившагося на злое дѣло. Такое же средство къ пріобрѣтенію извѣстности и у Евномія съ Аэтіемъ, исключая развѣ то, что есть разность въ великости зла; ибо причиняють вредъ не строені-

ямъ не одушевленнымъ, но самому живому зданію церкви, внося, какъ бы какій огонь, извращеніе догмата. Но слово о догматѣ отложу до своего времени.

7. Теперь же рассмотримъ, какою справедливостію водится Евномій, въ предисловіи жалующійся, будто бы причиною ненависти къ нему невѣрныхъ служитъ его справедливость; ибо, можетъ быть, не неумѣстно изъ сказаннаго о некасающемся догмата дознавъ, какъ онъ держится истины, симъ указаніемъ воспользоваться при разсмотрѣніи того, что говорится о догматахъ. Сказано: *вѣрный въ малъ, и во мнозѣ вѣренъ есть: и неправедный въ малъ, и во мнозѣ неправеденъ есть* (Лук. 16, 10.). Намѣреваясь писать апологію апологін, сочиненіе не бывалое и необычайное по написанію и содержанію, говоритъ онъ, что причина таковой странности произошла не отъ инаго чего, но отъ возражавшаго на его прежнее сочиненіе, потому что, хотя сочиненію тому имя было: апологія; но получивъ замѣчаніе отъ учителя нашего, что апологія прилична однимъ обвиняемымъ, а если кто пишетъ самъ по себѣ добровольно, то сочиненіе есть нѣчто иное, а не апологія, онъ не противорѣчитъ, что по очевидной несообразности не должно составлять апологін, если не предшествуетъ обвиненіе, но говоритъ, что, какъ обвиненный въ весьма важномъ, онъ

сталъ оправдываться отъ взведеннаго на него осужденія. Но сколько въ этомъ лжи, яснымъ. думаю, сѣбается изъ того самаго, что скажемъ. Жалуется Евномій, что много неспосныхъ золъ потерпѣлъ отъ осудившихъ его: и это можно дознать изъ того самаго, что написано имъ.

Посему какъ же потерпѣлъ онъ это, если оправдался въ винахъ? Ибо если апологіею пользовался къ избѣжанію обвиненій: то, безъ сомнѣнія, плачевное это положеніе ложно, и придумано напрасно. Если же потерпѣлъ то, что сказалъ: то, конечно, потерпѣлъ, не оправдавшись: ибо всякой апологіи цѣль та, чтобы не допустить властныхъ въ приговорѣ обмануться клеветою. Развѣ вознамѣрится сказать, что представилъ онъ апологію въ судѣ, но не могъ склонить къ себѣ участвовавшихъ въ судѣ, и побѣжденъ противниками? Напротивъ того ничего такого не сказалъ въ судѣ, и не могъ сказать. Почему же? Самъ признается въ сочиненіи, что не захотѣлъ имѣть дѣла съ враждебными и непріязненными судіями. «Признаемся,» говоритъ, «что осуждены мы, когда безмолвствовали, а на мѣсто судей допущены люди злые и лукавые». Здѣсь въ сильномъ, какъ думаю, волненіи, и иное имѣя въ помыслѣ, не замѣтилъ вмѣсто прикрасы взведеннаго въ рѣчь солицизма, весьма сѣмло поддѣлавшись подъ аттическій складъ, въ реченіи:

допущены (*εἰσφορησάντων*) (в), такъ какъ употребленіе онаго иное у преуснѣвшихъ въ словѣ, извѣстное знакомымъ съ риторическими правилами, а иное придумано новымъ аттическимъ остроумомъ. Впрочемъ это нисколько не идетъ къ нашей цѣли.

Но, поступивъ нѣсколько далѣе, присовокупляетъ онъ слѣдующее: «если по тому, что не воспользовался я судіями обвинителями, думаетъ онъ уничтожить это названіе: аналогія: то крайне обманывается по простодушію.» Когда же и предъ кѣмъ оправдался этотъ остроумный мужъ, отвергнувшій судей по причинѣ вражды, а на судѣ, какъ самъ подтверждаетъ, безмолвствовавшій? Посмотрите на этого сильнаго поборника истины, какъ онъ, чрезъ нѣсколько времени перемѣнившись, передается на сторону лжи, и чувствуя истину словами, противится ей въ дѣлахъ. Но пріятно то, что изнемогаетъ въ силахъ и при самой защитѣ лжи. Ибо какимъ образомъ одинъ и тотъ же и справедливо оправдывался въ взведенномъ обвиненіи, и благоразумно также безмолвствовалъ, потому что судъ производили враги? И изъ того самаго сочиненія, которое

(в) Глаголь *εἰσφέρειν* въ аттическомъ нарѣчій употребляется вмѣсто глагола *εἰσφέρειν*, имѣющаго многія значенія и въ числѣ оныхъ два слѣдующія: выпускаю и глотаю. Въ слѣдствіе же сего сказанное Евноміемъ можно разумѣть или: допущены на мѣсто судей, или: затли мѣсто судей.

назвалъ апологією, ясно оказывается, что все не было составяемо надъ нимъ суда. Предисловіе сочиненія обращено не къ опредѣленнымъ судьямъ, но къ какимъ-то неопредѣленнымъ людямъ, которые и въ то время были, и въ послѣдствіи будутъ, предъ которыми (въ чемъ и самъ я согласенъ) нужна ему большая апологія, но не подобная теперь написанной и требующейъ другой еще апологіи въ защиту себя, но какая нибудь общая и разумная, которая могла бы убѣдить слушателей; потому что написалъ сіе тотъ, кто собралъ себѣ судилище изъ людей, которыхъ не было въ присутствіи, а можетъ быть, и не раждалось, и оправдывался предъ тѣми, которые не существуютъ, и упрашивалъ тѣхъ, которые не родились, чтобы всѣмъ множествомъ не отличили лжи отъ истины, когда большею частію привязаны будутъ къ лучшему. Ибо дѣйствительно къ таковымъ, въ отеческихъ чреслахъ еще находящимся судьямъ, прилично обращаться съ подобною апологією, и думать, будто бы говорить правду, потому что одинъ рѣшился идти вопреки мнѣнію всѣхъ, и ошибочное представленіе души своей почитаетъ достовѣрнѣйшимъ въ цѣлой вселенной прославляющихъ имя Христово.

Пусть же, если угодно, пишетъ новую апологію и этой второй апологіи: потому что теперешняя есть не исправленіе погрѣшности,

а паче заготовленіе новыхъ обвиненій. Кто не знаетъ, что всякая правильная апологія имѣетъ въ виду опроверженіе взведеннаго обвиненія? Напримѣръ, обвиняемый въ воровствѣ, или въ убійствѣ, или въ другомъ какомъ преступленіи или вообще отрицается отъ поступка сего, или вину худаго дѣла слагаетъ на другаго, или, если не можетъ ни того ни другаго сдѣлать, проситъ снисхожденія и милости властныхъ въ приговорѣ. А здѣсь въ сочиненіи нѣтъ ни отрицанія вины, ни сложенія на другихъ; не прибѣгаетъ Евномій къ милости, не обѣщается вести себя лучше на будущее время, а напротивъ того тщательно собранными доводами усиливаетъ ту самую вину, за которую осуждается. Ибо представляемое на него, какъ говорить онъ, есть обвиненіе въ нечестіи, не вину неопредѣленную взводящее, но показывающее самый родъ нечестія; апологія же, не отрицая вины, но подтверждая обвиненіе, доказываетъ, что должно нечестивовать. Пока догматы благочестія не приведены еще были въ извѣстность, можетъ быть, менѣе опасно было бы отважиться на нововведеніе. Но когда во всѣхъ благочестивыхъ душахъ твердо ученіе богослова: тогда возглаголющій противное признанному вообще всѣми оправдывается ли въ томъ, за что его обвиняютъ, или паче навлекаетъ на себя гнѣвъ слушателей и дѣлается

злѣйшимъ обвинителемъ самаго себя? Я утверждаю последнее. Посему, если, по словамъ сочинителя, имѣются или слушатели приведеннаго имъ въ оправданіе, или обвинители его дерзкихъ нападений на благочестіе, пусть скажетъ самъ, или какъ будутъ носить его обвинители, или какой приговоръ произнесутъ о немъ суди, когда апологіею подтверждается его погрѣшительность.

8. Но не знаю, какъ удался я отъ связи рѣчи по причинѣ нестрогаго соблюденія послѣдовательности. Ибо не то подлежитъ теперь изслѣдованію, какъ надлежало оправдываться, но то, оправдался ли вообще Евномій. Возвратимся же къ предположенному, а именно, что онъ явно уловляется собственными словами слѣдующимъ образомъ: въ негодованіи говоритъ ложь, что бызъ онъ судимъ и имѣлъ незаконныхъ судей, что, влачимый по сушѣ и морю, злострадалъ отъ солнечнаго зноя и отъ ныни. Потомъ, снова прикрывая эту ложь, по пословицѣ, выбиваетъ гвоздь гвоздемъ, другою ложью покрывая прежнюю. Ибо тогда какъ все съ нимъ увѣрены, что не промолвилъ въ судилищѣ ни одного слова, говоритъ, что уклонился отъ судилища враговъ, и осужденъ безмолвнѣй. Кто бы могъ больше сего обличить себя въ противорѣчій и истинѣ и себѣ самому? Когда обвиняють его за надписаніе сочиненія, пред-

ставяетъ необходимость оправданія передъ судомъ. Когда обличаютъ, что ничего не было сказано передъ судьями, отрицаетъ, что былъ судъ, и не признаетъ судей. Посмотрите на этого сильнаго поборника истины, какъ твердо противостоятъ онъ жи? А потому самъ будучи таковъ, великаго Василія осмѣливается именовать лукавымъ, злоправнымъ, лжецомъ: и еще сверхъ того — дерзкимъ, невѣждою, самозванцемъ, не посвященнымъ въ вѣдѣнiе божественнаго: притовокупляетъ же къ списку злорѣчiи помѣнательство ума, безумiе, и тысячи подобныхъ ругательствъ, примѣшивая ихъ въ разныхъ мѣстахъ цѣлаго своего сочиненiя, какъ бы думая, что желчи его достаточно будетъ, чтобы пребороть свидѣтельство всѣхъ людей, которые дивятся имени великаго, какъ единаго изъ древнихъ святыхъ. И Евномiи думаетъ, что неуязвимоу насмѣшками можно повредить однимъ злорѣчiемъ. Не столько низко солнце, чтобы могъ достать бросающiй въ него камнями или чѣмъ другимъ. Брошенное опять возвращается на бросающаго, и цѣль остается выше бросаемаго. Если кто станетъ клеветать на солнце, что оно не свѣтло: то свѣтъ лучей не помрачится отъ насмѣшекъ. Солнце и осмѣиваемое останется солнцемъ, а у злословящаго лучи его, что не свѣтлы, изоблiчатся слѣнота чувства зрѣнiя. И если всѣхъ своихъ слушателей и читате-

лей пожелаетъ, подобно этой апологѣ, всего болѣе убѣдить въ этомъ, чтобы не соглашались съ общими всѣхъ мнѣніями о солнцѣ, и, отдавая преимущество большинству, дознаннаго опытомъ многихъ не предпочитали собственному предположенію: то напрасно будетъ суесловить передъ видящими дѣло.

Посему кто благорасположенъ къ Евномію, тотъ пусть убѣдить его положить узду на уста себѣ, не предаваться безчинству въ словѣ, не *противу рожну прати* (Дѣян. 9, 5.), не отзываться дерзко о досточтимомъ имени, но, и на память только приводя великаго Василія, исполняться благоговѣнія и страха въ душѣ. Ибо что ему будетъ и выгоды отъ этого безмѣрнаго самохвальства, когда Василій такимъ почитается у всѣхъ, какимъ возвѣщаютъ его жизнь, слово, и общее свидѣтельство о немъ вселенной? Предпріемлющій же отзываться о немъ худо выказываетъ свой правъ, и именно то, что, какъ говоритъ нѣгдѣ Евангеліе, *неспособенъ добро глаголати*, будучи лукавъ, но глаголетъ *отъ избытка сердца*, и износитъ *отъ лукаваго сокровища* (Матѣ. 12, 34. 35.). А что высказанное Евноміемъ есть голословное злословіе, несогласующееся съ истинною дѣль, обличеніемъ этому служить то самое, что имъ написано.

9. Упомянулъ Евномій о какомъ-то мѣстѣ, въ которомъ, по словамъ его, состоялся споръ

о догматахъ, но мѣста не поименовалъ, и не обозначилъ какимъ либо знакомымъ признакомъ, такъ что слушатель въ необходимости ошибочно гадать о неизвѣстномъ. Въ этомъ мѣстѣ, говоритъ Евномій, составилось собраніе изъ лицъ, отсюду созванныхъ; и какъ юноша цвѣтетъ въ словѣ, представляя взорамъ самый ходъ дѣла. Потомъ, говоритъ, что какимъ-то судіямъ (не называя и ихъ по именамъ) предстояло рѣшительное окончаніе дѣла, подавалъ же свой голосъ и бывшій въ присутствіи нашъ наставникъ и отецъ. Но поелику превосходство на судѣ отдано противникамъ, то онъ бѣжалъ оттуда, оставивъ свое мѣсто, погнался за какимъ то дымомъ отечества. И Евномій нещадно чернить Василія въ изображеніи робости, какъ желающему можно дознать изъ самой книги; ибо у меня нѣтъ досужнаго времени все изблеванное его досугомъ вносить въ мое сочиненіе. А для чего упомянулъ я о сказанномъ, къ тому и перейду.

Какое это безыменное мѣсто, въ которомъ производится изслѣдованіе догматическаго ученія? Какой случай вызываетъ на состязаніе доблестныхъ? Какіе это люди, побуждавшіе себя и сушею и моремъ поспѣшать къ общенію въ трудахъ? О какомъ говоритъ мірѣ, занятъ послѣдствіями, и ожидающемъ судебного приговора? Или кто распорядитель сихъ состязаній? Или пусть хотя и дозволить себѣ

умолчать это, чтобы, по обычаю, принятому у лѣтей въ училищахъ, ухитриться въ подобныхъ вымыслахъ придать слову какой-то вѣсъ и величіе, однакоже пусть скажетъ то одно: кто неодолимый этотъ борець, съ которымъ вступить въ состязаніе, по словамъ его, убоясь нашъ учитель? Пбо если и это выдуманно: то пусть опять будетъ признанъ побѣдителемъ и возьметъ верхъ въ суетловіи; мы же умолкнемъ. Въ борьбѣ безъ всякой пользы съ тѣбною истинною побѣда—добровольно отказываться отъ такой побѣды. Если же Евномій говорить о томъ, что происходило въ Константинополѣ, разумѣть оное сборище, воспламеняется въ словѣ своемъ тамонними плачевными событіями, и себя именуешь великимъ и непреоборимымъ борцемъ; то примемъ обвиненіе, а именно, что, присутствуя тамъ во время состязаній, не вступали мы въ борьбу съ состязующимся.

Поэтому укоряющій Василія въ робости пусть покажетъ, выходилъ ли на средину самъ онъ? Промолвилъ ли какое слово въ защиту своего благочестія? Продмилъ ли съ отвагою рѣчь? Славно ли боролся съ противниками? Но нечего сказать ему, развѣ будетъ явно прѣтнворѣчить себѣ самому. Пбо признался, что въ безмолвіи принялъ произнесенный судіями приговоръ. Поэтому если должно было говорить во время состязаній (сіе узаконяетъ теперь въ своемъ сочиненіи): то почему осуж-

дается тогда, пребывая въ безмолвіи? Если же хорошо поступишь, предпочтши спокойствіе при судіяхъ: то по какому жребію—его безмолвствующаго хвалить, а намъ спокойствіе наше обращать въ оужденіе? Можетъ ли кто придумать что болѣе несправедливое этой несообразности, если, когда двое писали сочиненіе послѣ состязаній, одинъ изъ нихъ о себѣ скажетъ, что защитился во время, хотя и много опущено имъ времени, а написавшаго возраженіе на защитительное его сочиненіе станетъ порицать какъ опоздавшаго, потому что много прошло времени отъ состязаній? Или, можетъ быть, возраженію должно было имѣть въ виду то слово, которое будетъ сказано въ послѣдствіи? Ибо этого, кажется, не достаетъ въ обвиненіи. Почему же, зная напередъ, что будетъ писать, во время того суда, необличилъ? Ибо, что не на судѣ составилъ сію аналогію, явствуетъ изъ собственнаго признанія его; припомню опять самыя слова: «признаемся, говоримъ, что безмолвствуя осуждены мы,» и присовокуиваетъ причину: «потому что, сказано далѣе, лукавые люди получили право судить,» или лучше сказать, какъ выражается самъ онъ, «допущены на мѣсто судей.» А что еще подтверждаетъ о написаніи аналогіи въ надлежащее время, явствуетъ сіе изъ другихъ сказанныхъ имъ словъ; буквально же читается сіе такъ: «по

что не выдумавъ отъ себя, а будучи вынужденъ посредниками, въ надлежащее время и надлежащимъ образомъ приведенъ я, говоритъ онъ, къ написанію апологіи, стало это явнымъ и изъ самыхъ дѣлъ и изъ его словъ.» Посему что скажетъ безъ труда извращающій рѣчь во всѣ стороны? Не то ли, что не должно было молчать во время состязаній? Итакъ почему Евномій во время самыхъ состязаній былъ безгласенъ? Но у него апологія благовременна и послѣ состязаній? Почему же у Василя борьба съ тѣмъ, что сказано Евноміемъ, безвременна?

Но всего болѣе, кажется, вѣрно слово преподавнаго, что подъ видомъ апологіи, Евномій, въ какую угодно ему было связность, привелъ свои догматы. А истинный соревнователь Финееса, истребляющій мечемъ слова всякаго, кто соблудилъ, отступивъ отъ Господа, извлекъ врачующій душу, губительный для нечестія, ножъ, — разумѣю опроверженіе хулы. Если же упорствуетъ и не принимаетъ врачеванія Евномій, умертвившій душу свою отступничествомъ: то вина на избравшемъ злое; сіе подтверждаетъ и слово внѣшнихъ мудрецовъ. Вотъ каковъ Евномій и передъ истинною и передъ нами! По древнему закону, дозволяющему за причиненную обиду отмщать равнымъ, и намъ, правда, было бы можно нещадно замечать его укоризнами и съ великимъ удобствомъ щедро расточить злословіе на

оскорбившаго; потому что, если онъ такъ обиленъ былъ на оскорбленіе и охудженіе не представившаго даже и случая какого либо къ поруганію; то естественно найдтись многимъ подобнымъ рѣчамъ у желающихъ осмѣять его честную жизнь. Но поелику ученикомъ истины изначала научены мы изучать Евангеліе: то и не требуемъ въ замѣнъ ока за око, зуба за зубъ, зная, что худій поступокъ уничтожается обыкновенно поступкомъ противоположнымъ; и что либо сказанное или сдѣланное зло не дойдетъ до крайности, если что нибудь полезное, проникнувъ въ среду, разсѣчетъ непрерывный рядъ золь. А посему рядъ злословій и оскорбленій въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи останавливается долготерпѣніемъ. Если же кто будетъ отмщать обидою за обиду, злорѣчіемъ за злорѣчіе; то, конечно, увеличитъ несообразность, питая ее подобнымъ.

10. Посему, оставивъ все сказанное въ срединѣ книги, какъ оскорбленіе, насмѣшку, злорѣчіе, колкость, поспѣшу словомъ къ изслѣдованію догмата. Если же кто скажетъ, что уклоняюсь отъ злословія по неискусству отплатить подобнымъ: то пусть посмотритъ на себя самаго, —какая у него склонность къ худшему, которая безъ всякаго усилія сама собою поползновенна на грѣхъ. Ибо сдѣлаться худымъ—зависитъ отъ одного произволенія, и часто для совершенія грѣха достаточно хотѣ-

нія. Гораздо же болѣе удобства къ прегрѣшеніямъ языка; потому что прочіе грѣхи для совершенія своего требуютъ и времени, и запятія, и вѣшняго содѣйствія; а сподручность слова доставляетъ всю возможность согрѣшить. Доказательствомъ сего служитъ то самое Евноміево сочиненіе, которое у насъ въ рукахъ. Раземотрѣвній его не поверхностно найдетъ склонность грѣшить на словахъ, подражаніе чему, конечно, весьма легко, хотя бы кто и вовсе не заботился объ искусствѣ хулить. Ибо на что трудиться въ составленіи оскорбительныхъ словъ? Можно воспользоваться противъ обидчика его же реченіями: потому что въ этой исполненной укоризны части сочиненія Евномій собралъ всѣ лжи и хулы, составленныя по бывшимъ у него образцамъ, и нѣтъ такой нечѣстности, которая не была бы написана, напримѣръ: «человѣкъ опасный, спорливый, врагъ истины, софистъ, обманщикъ, противорѣчащій мнѣніямъ и свѣдѣніямъ многихъ, не стыдящійся обличенія дѣлами, не уважающій ни страха, внушаемаго законами, ни укоризны отъ людей, не умѣющій отличить правду отъ ухищренія». Къ сему Евномій присовокупляетъ «безстыдство и готовность къ злословію; потомуъ называетъ нерадивымъ, неполноценнымъ борющихся между собою предположеній, совмѣщающимъ въ рѣчи несовмѣстимое, борющимся съ собственными своими словами и

произносящимъ противорѣчія». Потомъ, желая о Василіи наговорить много худаго, и будучи не въ состояніи душевную горечь излить въ новыхъ оскорбительныхъ реченіяхъ, послѣ нечего болѣе сказать, возвращается часто къ одному и тому же, и, сказавъ однажды, къ тому же дѣлаетъ еще оборотъ и въ третій и въ четвертый разъ, или еще и болѣе, какъ будто на поприщѣ какомъ, туда и обратно давая ходъ слову, въ тѣхъ же оскорбительныхъ выраженіяхъ съ тѣмъ же пустословіемъ злорѣчій обращается взадъ и впередъ, повторяя то же. И потому не приводимся уже въ негодованіе безстыдствомъ его оскорбленій; въ пресыщеніи сказаннымъ раздраженіе прекращается. Иной скорѣе почувствуетъ омерзене, нежели придетъ въ гнѣвъ; такъ низко, лишены всякой пріятности и площадны сіи насмѣлки, нисколько не отличающіяся отъ шутокъ какой либо пьяной старухи, которая бормочетъ сквозь зубы.

Итакъ что же? Должно ли перебирать все по одиначкѣ и со всею тщательностію оправдываться во всемъ оскорбительно выраженномъ, доказывая, что не таковъ тотъ, о комъ сіе сочинено? Но въ такомъ случаѣ и мы окажемся оскорбляющими сего, подобно свѣтилу, возсіявшаго нашему роду, съ усердіемъ доказывая въ словѣ, что онъ не дѣлалъ зла и не заслуживалъ осужденія. Напротивъ того помню

божественный этот гласъ, какъ пророчески изрекъ онъ объ Евноміи то мѣсто изъ пророчества, гдѣ пророкъ унодобляетъ его безстыднымъ женамъ, которыя собственный свой позоръ слагаютъ на цѣломудренныхъ (Іер. 3, 3.). Ибо кого врагомъ истины провозглашаютъ Евноміевы слова? Кого выставляютъ противорѣчащимъ мнѣнію многихъ? Кто проситъ читающихъ его сочиненіе не смотрѣть на множество свидѣтелей, не обращать вниманія на древность, не спѣшить согласіемъ на достовѣрность признаваемаго совершеннымъ? Уже ли одному и тому же свойственно и это написать, и утверждать сказанное прежде, какъ домогаться, чтобы слушатели слѣдовали его нововведеніямъ, такъ опять хулить другихъ за то, что идутъ напротивъ общимъ понятіямъ? А сіе—«не стыдиться обличенія дѣлами и людской укоризны,» и что еще подобнаго сему перечисляетъ Евномій, предоставляю произволенію слушателей разсмотрѣть, о комъ справедливо это сказать, о томъ ли, кто себѣ самому и ближнимъ равно поставляетъ въ законъ цѣломудріе, благоприличіе и всякую душевную и тѣлесную чистоту, при самомъ строгомъ воздержаніи, или о томъ, кто повелѣваетъ не препятствовать естеству, достигать угоднаго ему исполненіемъ тѣлесныхъ пожеланій, не противиться удовольствіямъ, не судить строго о таковой житейской рачительно-

сти, потому что никакого вреда не дѣлается душѣ отъ такого образа жизни, и человѣку для совершенства достаточно еретической только вѣры. Если же Евномій отрицаетъ, что такъ у нихъ учатъ: то и я и каждый изъ благомыслящихъ желали бы, чтобы въ таковыхъ его отрицаніяхъ была правда. Но найдти себѣ мѣсто такому отрицанію не дозволяютъ истинные его ученики, или падетъ самое главное его положеніе, и разорится скинія ради сего наипаче утвердившихся на догматѣ его. А кто безстыденъ, не уважаетъ человѣческой укоризны, угодно ли видѣть это изъ дѣлъ юности, или изъ дѣлъ послѣдующей за тѣмъ жизни? Въ томъ и другомъ случаѣ найдешь, что укорь въ безстыдствѣ падетъ на него самаго; ибо не одно и тоже свидѣлствуютъ о каждомъ изъ нихъ и юность и слѣдующая за нею жизнь.

Пусть сочинитель этотъ приведетъ себѣ на память, какъ жилъ онъ на родинѣ во время юности и въ Константинополѣ, и пусть услышитъ отъ знающихъ, что имъ извѣстно о томъ, на кого онъ клевететь. Если же пожелаетъ кто обозрѣть послѣдующія занятія: то пусть самъ скажетъ, кто достоинъ наименованія безстыднымъ? Тотъ ли, кто до священства щедро расточилъ отеческое имущество бѣднымъ, а наипаче во время голода, когда сдѣлался настоятелемъ въ церкви, священствуя

еще въ санѣ пресвитера, и послѣ сего не пощадилъ остатковъ, такъ что и онъ могъ похвалиться съ Апостоломъ: *ниже туне хлѣбъ ядохъ* (2 Сол. 3, 8.)? Или тотъ, кто защиту догмата обратилъ въ предлогъ къ доходамъ, самозванно вторгается въ домы, отвратительнаго недуга не прикрываетъ своимъ поведениемъ, нерасчитываетъ, что у здоровыхъ естественное бываетъ отвращеніе отъ такихъ людей, и что по древнему закону, по причинѣ близости въ значеніи недуговъ, и его изгнали бы изъ стана живущихъ?

Еще же опрометчивымъ обидчикомъ и во всякомъ случаѣ лжецомъ именуется Василій у того, кто великодушно съ кротостію обучаетъ противниковъ; ибо такъ въ сочиненіи своемъ услаждается рѣчами о себѣ, кто не оставилъ ни одного случая излить весь избытокъ горечи, гдѣ только могъ это сдѣлать. Итакъ чѣмъ же и какими поступками обличаетъ Василія въ обидѣ и опрометчивости? «Тѣмъ, говорить, что меня, Каппадокіянина, назвалъ Галатомъ, а потомъ имѣющимъ жительство на рубежѣ отечественныхъ странъ, въ какомъ-то безыменномъ краю Корніаспннъ». Если и назвалъ не урожденцемъ Олтисіріи, а Галатомъ (но только докажетъ ли, что прибавлено это названіе? ибо въ нашихъ спискахъ нѣтъ сего приложенія; допустимъ однако безъ спора, что и это сказано): неужели за сіе одно Ва-

силій называется опрометчивымъ, обидчикомъ, и всѣми укориженными именами? А не разумѣеть того мудрецъ, что обвиненіе отъ клеветника въ маловажномъ доставляетъ обвиняемому великую защиту и свидѣтельство о правотѣ? Ибо предпринявшій обвинить не сталъ бы падить важнѣйшаго и уграждать злостью свою маловажнымъ, о чемъ дѣйствительно говоритъ онъ много, возвышая и преувеличивая неправду, съ важностію любомудрствуя о лжи, признавая ее равною нелѣпностію, идетъ ли дѣло о важномъ, или о маловажномъ. Ибо подобно отцамъ своей ереси. разумѣю книжниковъ и фарисеевъ, умѣеть тщательно *оцѣж-дать комары*, и нещадно пожирать горбатаго *вельбуда* (Матѳ. 23, 24.), навьюченнаго тяжелою ношею лукавства. И, можетъ быть, не неумѣстно было бы сказать ему, чтобы пощадилъ отъ такого законоположенія живущихъ въ нашемъ гражданскомъ обществѣ, и не давалъ повелѣнія почитать за ничто различіе осужденія во лжи по малости и значительности дѣлъ. Ибо не одинаково грѣшатъ и Павелъ. допуская ложь и очинцаясь по іудейски благовременно съ пользою для введенныхъ въ обманъ, и Іуда во время предательства, принявъ на себя видъ друга и защитника. Солгалъ и Іосефъ, человеколюбиво шутя надъ братьями, и клянясь въ этомъ Фараоновымъ здравіемъ (Быт. 42, 16.); солгали и братья

противъ него, по зависти умысливъ ему сперва смерть, а потомъ рабство. Можно сказать много и другихъ подобныхъ примѣровъ. Лжетъ Сарра, устыдясь своего смѣха; лжетъ и змій, внушая такую мысль, что человекъ преслушаніемъ перейдетъ въ естество Божіе. Великая разность во лжи потому, чего она касается; невозможно и сказать какова она, будешь ли судить по древнимъ повѣствованіямъ, или по нынѣшней жизни. Посему и мы, по общему приговору о людяхъ, какій устами пророка изрекъ Духъ Святыи, а именно: *всякъ человекъ ложь* (Ис. 115, 2.), — соглашаемся, что и человекъ Божіи вовлеченъ былъ въ ложь, случайно употребивъ названіе сопредѣльной страны, или по незнанію мѣстнаго именованія, или по необращенію на то вниманія. Но солгалъ и Евномій, и какая же это ложь? Извращеніе самой истины; говорить, будто бы вѣчно Сущаго когда-то не было; утверждаетъ, что истинно именуемый Сыномъ называется такъ лженменно; о Творцѣ вселенной выражается, что Онъ тварь и созданіе; Господа всяческихъ называетъ рабомъ; по естеству имѣющаго начальство соприсчисляетъ къ естеству рабственному. Мала ли эта разность во лжи? Такова ли, чтобы кому либо почестъ за ничто солгать, по видимому, такъ или иначе?

11. Но смотрите, какую прилагаетъ понечистельность объ истинѣ въ доказательствѣ, дру-

гихъ укоряющій даже за софистическій образъ рѣчи. Учитель нашъ въ словѣ къ Евномію сказалъ, что во время переворота въ дѣлахъ въ награду за нечестіе пріобрѣлъ онъ Кизикъ. Посему чтоже дѣлаетъ обличающій софистовъ? Привязывается немедленно къ слову: награда, и говоритъ, будто бы по нашему признанію «онъ защитился, одержалъ верхъ апологією, и пріобрѣлъ побѣдную награду состязаніями;» и слагаетъ умозаключеніе, выводя слѣдствіе, по его мнѣнію, изъ безпрекословныхъ положеній. Перескажемъ же буквально, что собственно имъ написано: «если награда, говоритъ онъ, есть признакъ и конецъ побѣды; а на побѣду указываетъ судебное производство; судебное же производство вмѣстѣ съ собою вводитъ, конечно, мысль объ обвиненіи; то допускающій награду необходимо долженъ признать, что была и апологія.» Что же скажемъ на это? Не будемъ спорить, что состязался онъ, что сіе лукавое состязаніе нечестія было весьма сильно и упорно, и не въ малой мѣрѣ своими усиліями противъ истины превзошелъ и превысилъ онъ подобныхъ ему; но не надъ противниками одержалъ онъ побѣду; въ сравненіи же съ тѣми, которые по нечестію вмѣстѣ съ нимъ стремились въ заблужденіе, опередилъ всѣхъ преизбыткомъ лжи, и такимъ образомъ за преизбытокъ зла получилъ въ награду Кизикъ. Какъ преимуществующій предъ всѣми

подобно ему вступавшими въ борьбу съ истиною, во время побѣды, одержанной хулою, удостоень громкаго и знаменитаго провозглашенія, и въ награду за нелѣное ученіе законоположившими такъ при состязаніи избранъ ему Кизисъ. И что въ означенномъ смыслѣ признано сіе нами, доказываетъ наше сочиненіе, въ которомъ сказано, что Кизикъ сдѣлался для него наградою печестія, а не какимъ либо успѣшнымъ слѣдствіемъ апологіи. Посему чтоже общаго въ сказанномъ нами съ этимъ дѣтскимъ сплетеніемъ софизмовъ, будто бы за это какъ состоялось надъ нимъ судебное слѣдствіе, такъ приготовлена имъ апологія? Подобное сему походить на то, какъ если бы кто, на пиру больше другихъ выпивъ неразбавленнаго вина, и за это пившими вмѣстѣ съ нимъ удостоенный какой либо чести, побѣду сію на пиру обратилъ въ доказательство, что судимъ былъ на судилищѣ и въ судѣ одержалъ верхъ. Потому что таковій можетъ, подражая ему, составить умозаключеніе: если награда есть признакъ и конецъ побѣды; на побѣду же указываетъ производство суда: а производство суда вводитъ съ собою, конечно, мысль объ обвиненіи: то я одержалъ побѣду надъ судомъ. потому что, упиваясь, былъ увѣнчанъ на состязаніи въ томъ, кто больше выпьетъ.

Но такимъ образомъ хвалящемуся, конечно,

кто-нибудь скажетъ, что иначе ведутся состязанія въ судилищѣ, и иный способъ пренія на пиршествахъ: и побѣдившій на чашахъ, въ слѣдствіе таковой побѣды не имѣетъ никакого преимущества предъ своими противниками въ судилищахъ, хотя онъ и красуется цвѣточными вѣнками. Посему и кто превзошелъ подобныхъ себѣ словомъ нечестія, въ прибрѣтенной за нечестіе наградѣ не представляетъ еще свидѣтельства, что побѣдилъ и въ судѣ. Поэтому какую же пользу доставляетъ непроизнесенному защищенію наше свидѣтельство, что онъ беретъ верхъ въ нечестіи? Ибо, еслибы, оправдавшись предъ судіями и одолѣвъ противниковъ, потомъ уже принялъ возданную въ Кизикѣ почесть: то сказанное нами благовременно было бы обратить противъ насъ. Если же непрестанно свидѣтельствуется въ словѣ, что, избѣгая неприязненности властныхъ произнести приговоръ, въ безмолвіи принимаетъ назначенное ему наказаніе, не соглашаясь судъ о подвигѣ предоставить врагамъ; то для чего обольщаетъ самъ себя, и слово: награда употребилъ въ свидѣтельство, что оправдался? Не выразишь чудный сей мужъ значеніе слова: награда, а именно, что Кизикъ отдастъ ему, какъ нѣкое отличіе и признаніе доблести по превосходству въ нечестіи. Но поелюку принимаетъ награду по желанію, и какъ побѣднѣй

даръ; то пусть приметъ и то, что соединено съ симъ понятіемъ, а именно, что своею побѣдою приобрѣлъ онъ превосходство въ нечестіи. Ибо если нашимъ оружіемъ укрѣпляется противъ насъ; то справедливость требуетъ воспользоваться или тѣмъ и другимъ, или ни тѣмъ, ни другимъ.

12. Таковъ онъ въ нашихъ дѣлахъ; но не окажется ли, хотя сколько нибудь держащимся истины въ прочемъ, что сказано у него оскорбительнаго? Въ этомъ описаніи Василія робкимъ, несмѣлымъ, уклоняющимся отъ трудовъ болѣе упорныхъ, въ изображеніи его всѣми подобными сему чертами, когда Евномій тщательно собираетъ признаки робости, скрытную хижину, надежно запертую дверь, смятеніе отъ страха, производимое входящими; и голосъ, и взглядъ, и черты лица, и все тому подобное, чѣмъ выражается недугъ робости. Но если бы Евномій и не былъ обличенъ солгавшимъ въ чемъ либо другомъ; то достаточно было бы и сего одного, чтобы обличить образъ его дѣйствія. Ибо кто не знаетъ, какъ въ то самое время, когда царь Валентъ возставалъ на церкви Господни, великій опытіи подвижникъ великодушною рѣшимостію превозмогъ столь затруднительное положеніе дѣлъ, сталъ выше устрашающаго, превознесшись мыслию надъ всѣмъ, что устроилось къ его устрашенію? Кто изъ обитателей востока, кто изъ

населяющихъ самые края нашей вселенной не зная борьбы его за истину съ преобладающими? Кто не приходилъ въ ужасъ, взирая на сопротивника? Это былъ не какой либо человѣкъ обыкновенный, не поддѣльными хитросплетеніями приобрѣлъ онъ силу побѣждать, и взять надъ нимъ верхъ было небезславно, и быть имъ побѣждену—не безвредно; но хотя подъ своимъ правленіемъ имѣлъ тогда всю римскую державу, однако же, гордясь столь великимъ царствомъ, послушался клеветы на наше ученіе Евдоксія, епископа германіійскаго, который обманомъ привлекъ его къ себѣ. А сподобниками въ своемъ желаніи имѣлъ онъ всѣхъ людей сановитыхъ, всѣхъ служащихъ при немъ и завѣдывающихъ дѣлами, изъ которыхъ иные склонились на сіе добровольно, по сходству въ мысляхъ, а многіе изъ страха предъ державною властію съ готовностію дѣлали, что ей было угодно, и жестокостію къ держащимся вѣры доказывали усердіе къ нему, когда бѣгства, описи имѣнія, изгнанія, угрозы, взысканія, опасности, содержаніе подъ стражею, узилища, бичеванія, и что еще страшнѣе сего, все приводимо было въ дѣйствіе противъ несогласяющихся съ желаніемъ царя; когда оказавшимся въ дому Божіемъ благочестивыми было тяжелѣе, нежели уличеннымъ въ самыхъ преступныхъ винахъ.

Но подробное описаніе всего этого по-

требовало бы какого либо большого сочиненія, многого времени и труда особаго рода. Съ другой стороны, поелику тогдашнія бѣдствія извѣстны всеѣмъ: то ничего не прибавится настоящему слову точнымъ изложеніемъ сихъ несчастій въ письменахъ. Въ повѣствованіи о нихъ есть и другая невыгода: излагающему по порядку исторію сихъ горестныхъ событій необходимо сдѣлать нѣкое упоминаніе и объ учиненномъ съ нашей стороны. Ибо если въ сихъ борьбахъ за благочестіе и сдѣлано нами что-либо такое, что при повѣствованіи можетъ возбудить соревнованіе; то мудрость повелѣваетъ предоставить сіе ближнимъ, по сказанному: *да хвалятъ тя искренній, а не твоя уста* (Притч. 27, 2.). Сего-то не уразумѣвъ, проникающій во все (г) большую часть своего сочиненія занялъ велегрѣшемъ о себѣ.

Поэтому все сему подобное отлагая въ сторону, въ точности изложу дѣла боязливости нашего учителя. Противостоялъ ему, какъ сопротивникъ, самъ царь; а прислуживалъ стремленіямъ царя начальствующіи по немъ во всемъ царствѣ, и содѣйствующими такому пожеланію служили все окружающіе царя. Для точнѣйшаго испытанія и доказательства въ подвижникѣ непоколебимаго убѣжденія пресовокуни къ этому и самое время. Ка-

(г) То есть Евномій.

кое же тогда было время? Царь отправился изъ Константинополя на востокъ, перевозносья мысленно недавними своими успѣхами надъ варварами и не предполагая, чтобы стало что-либо противиться его желаніямъ. Предшествовалъ же ему въ этомъ пути упархъ, вмѣсто какого либо инаго необходимаго для начальства дѣлающій такое распоряженіе, чтобы ни одному держащемуся вѣры не позволялось оставаться на своемъ мѣстѣ, но всѣ таковыя отвсюду были изгоняемы, а на мѣсто ихъ вводимы были какіе либо другіе самозваные, къ оскорбленію божественнаго домостроительства. Посему, когда съ такимъ рѣшеніемъ, подобно какой-то грозной тучѣ, державная власть двинулась изъ Пропонтиды противъ церквей, и внезапно Виѳинія опустѣла, а Галатія съ большимъ удобствомъ увлечена, и всѣ на пути уступали имъ въ образѣ мыслей, а по порядку и наша уже страна подверглась этой бѣдѣ: что дѣлаетъ тогда великій Василій, тотъ, какъ говоритъ Евномій, боязливый, не смѣлый, робѣющій страшнаго, ввѣряющій спасеніе свое скрытой хижинѣ? Приведенъ ли въ ужасъ постигшимъ бѣдствіемъ? Странаніе ли постигнутыхъ имъ прежде пріемлетъ себѣ въ совѣтника для собственной своей безопасности? Соглашается ли съ совѣтующимъ уступить не на долго стремительности зла, и не повергать себя въ очевидную опасность

сношеніемъ съ людьми, пріобыкшими къ кровопролитію? Или всякое превосходство словъ, всякая высота мыслей и реченій изобличитъ себя въ томъ, что она ниже дѣйствительности? Какъ изобразить кто словомъ столь великое презрѣніе страхованій? Какъ представить кто взору эту новую борьбу, о которой справедливо можетъ иной сказать, что ведутъ ее не люди и не съ людьми, но что добродѣтель и дерзновеніе христіанина противоборствуютъ въ ней убійственному владычеству.

Предваривъ прибытіе царя, призвалъ Василія къ себѣ впархъ, начальственную власть, и безъ того страшную по величію оной, еще болѣе страшною сдѣлавъ жестокостію наказаній, послѣ тѣхъ плачевныхъ опытовъ, какіе совершилъ въ Виѣиніи. Когда съ обычною легкостію безъ труда покорены были Галаты, впархъ думалъ, что и у насъ встрѣтитъ готовность на все, что ему угодно. Предначтіемъ же строгости въ дѣлахъ служила рѣчь, смѣшанная вмѣстѣ изъ угрозъ и обѣщаній. Впархъ говорилъ, что Василій, если будетъ покоренъ, продолжитъ пользоваться и честію отъ царя и начальствомъ въ церкви, а если воспротивится, потерпитъ все, чего похощетъ раздраженная душа, къ власти присовокупивъ и силу. Таковы были ихъ поступки.

А нашъ столько далекъ былъ отъ того, что бы придти въ какой либо ужасъ отъ видима-

го, или сказаннаго, что, подобно нѣкому врачу, или доброму совѣтнику, призванному исправить ошибки, приказывалъ имъ раскаяться въ томъ, на что отваживались, и впредь прекратить убійство рабовъ Господнихъ; потому что пекущимся объ одномъ царствіи Божіемъ и о безсмертной державѣ могутъ они не болѣе какъ только примыслить что-либо; но не въ силахъ сдѣлать зло, не въ состояніи изобрѣсти ничего такого, что, будучи сказано или сдѣлано, опечалило бы христіанина. Опись имѣнія, говорилъ онъ, не коснется полагающаго все стяжанія въ одной вѣрѣ; изгнаніе не устрашитъ съ одинаковымъ расположеніемъ обходящаго всю землю, и взирающаго на всякую страну, по кратковременности жительствова, какъ на чуждую, и поелику вся тварь сослужебна, — на всякой градъ, какъ на свой. Подвергнуться же ударамъ, или трудамъ, или смерти, когда нужно то будетъ за истину, — не возбудитъ страха и въ женщинахъ; но для всѣхъ христіанъ есть высшій предѣлъ блаженства въ чаяніи онаго претерпѣть что-либо невыносимое. Одно только печалитъ, присовокупилъ онъ, что одна въ природѣ смерть, и не находитъ онъ никакого способа, чтобы можно было многими смертями подвизаться за истину.

Поелику же Василій въ этомъ случаѣ поставилъ себя выше оныхъ угрозъ, и всю над-

мѣнность онаго властительства презрѣлъ, какъ ничто; то какъ на зрѣлищѣ съ переменною лицъ вмѣсто однихъ являются внезапно другія; такъ и здѣсь горечь угрозъ преобразилась въ ласкательство, грозный дотолѣ и ужащающій своєю гордынею впархъ, переменивъ рѣчь на скромную и снисходительную, говоритъ: «а ты не почитай мало важнымъ, что великій царь вступаетъ въ среду твоего народа, напротивъ того согласишься именоваться и его учителемъ, и не противься изволенію его. Угодно же ему, чтобы сіе послѣдовало по исключеніи изъ письменнаго изложенія вѣры одной малости, реченія: единосущный.» Но учитель отвѣчаетъ опять: царю стать членомъ церкви—это весьма важно; ибо, говоритъ онъ, великое дѣло—спасеніе души, не потому, что это — царь, но потому что вообще онъ человѣкъ. Но, чтобы въ изложеніи вѣры сдѣлать исключеніе, или прибавленіе, столько далека онъ отъ сего, что не можетъ измѣнить даже порядка въ написанномъ. Вотъ что этотъ робкій, малодушный, приходившій въ ужасъ при скрипѣ двери, изрекъ словомъ столько высокому чиномъ, и сказанное подтвердилъ дѣлами! Такъ остановилъ и отвратилъ онъ собою, какъ бы потокъ какой разливающейся по владѣніямъ, ниспроверженіе церковей; одинъ возымѣвъ достаточную силу противъ удара золь, и подобно какой-то великой и не поко-

лебимой скалъ въ морѣ, вмѣсто многихъ и огромныхъ волнъ сокрушивъ собою прираженіе бѣдствій.

Но симъ не кончилась его борьба. Напротивъ того еще предпринимаетъ сдѣлать опытъ самъ царь, негодуя, что въ первое нападеніе дѣло кончилось не въ его удовольствіе. Посему какъ нѣкогда ассирійскій царь въ Іерусалимѣ разореніе израильскаго храма велѣлъ произвести повару Навузардану, такъ и этотъ нѣкому Димосѣену, приставленному къ приготовленію яствъ, и главному повару, какъ безстыднѣйшему другихъ, поручивъ сію службу, думалъ, что одержитъ верхъ во всякомъ предпріятіи. Посему такъ какъ изъ всего дѣлаетъ онъ смѣсь, и какіи-то богоборецъ изъ Иллирика, съ посланіемъ въ рукахъ, собираетъ на это всѣхъ вельможъ, и Модестъ снова воспламеняется гнѣвомъ съ сильнѣйшею прежняго стремительностію; то всѣ подвиглись гнѣвомъ царевымъ, негодуя вмѣстѣ съ огорченнымъ царемъ, и угождая раздраженію власти, и всѣ поражаются грозою ожидаемаго. Ибо опять этотъ внархъ; опять сильнѣйшія прежнихъ востанія страхованій, прибавленія угрозъ, чувствительнѣйшее раздраженіе, плачевное зрѣлище судилища, глашатаи, докладчики, жезлоносцы, загородки, занавѣсы, все, чѣмъ легко приводятся въ ужасъ мысли и у самыхъ приготовленныхъ. И снова подвижникъ

Божій во вторичной борьбѣ, и превосходитъ славу, приобрѣтенную въ предшествовавшей. Если требуешь доказательствъ, то смотри на самыя дѣла. Было ли въ церквахъ какое мѣсто не разоренное тогдашнимъ переворотомъ? Осталось ли какое племя не испытавшимъ еретическаго востанія? Кто изъ уважаемыхъ въ церквахъ не былъ отвлеченъ отъ трудовъ? Какой народъ избѣжалъ такого насилія? Возьмемъ ли всю Сирію, средорѣчіе даже до варварскихъ предѣловъ, Финикію, Палестину, Аравію, Египеть и Ливійскія племена до самаго конца извѣстной намъ вселенной, и всѣхъ обитающихъ тамъ, понтійцевъ, киликійцевъ, ликіянъ, лидянъ, писидіянъ, памфилянъ, карійцевъ, жителей Гелеспонта, островитянъ до самой Пропонтиды; и всѣхъ населяющихъ Фракію, куда только простиралась Фракія, и окрестныя племена до самаго Истра (д); что изъ всего этого осталось въ своемъ видѣ, исключая развѣ то одно, что прежде еще одержимо было таковымъ зломъ? Но изъ всѣхъ народовъ одинъ каппадокійскій не ощутилъ общаго бѣдствія церквей; его спасъ отъ искушеній великій нашъ защитникъ.

Таковы послѣдствія робости нашего учителя! Таковы дѣла приходившаго въ ужасъ

(д) Дунай.

отъ трудовъ болѣе тяжкихъ! Не у жалкихъ старухъ снискалъ онъ себѣ славу, не о томъ старался, чтобъ обмануть женщинъ, легко доступныхъ всякому обману, не почиталъ за великое возбудить къ себѣ удивленіе въ людяхъ предосудительныхъ и развратныхъ; но дѣлами доказалъ душевную крѣпость, постоянство, мужество и благородство въ образѣ мыслей. Его заслуги—спасеніе всего отечества, миръ нашей церкви, образецъ всего добраго для живущихъ добродѣтельно, низложеніе противниковъ, защита вѣры, огражденіе немощныхъ, поддержка усердныхъ. — все, что признается у насъ лучшимъ. При сихъ только повѣствованіяхъ и слухъ и зрѣніе приводятся въ согласіе дѣлами. Ибо здѣсь одно и то же, и словомъ повѣствовать о томъ, что прекрасно, и на дѣлѣ показывать свидѣтельствуемое словами, а въ томъ и другомъ достовѣрнымъ дѣлать одно другимъ, память видимымъ, а дѣла повѣствуемымъ.

13. Но не знаю, какъ на столько удалось слово отъ предположеннаго, обращаясь къ каждой хулѣ, высказанной клеветникомъ. Впрочемъ Евномію немалая выгода—это замедленіе слова на подобныхъ предметахъ; обличеніе людскихъ неправдъ пренятствуетъ слову поуступить къ существеннѣйшему. Какъ судимаго за убійство бесполезно преслѣдовать за опрометчивость въ словахъ; потому что обличен-

наго убійства достаточно къ произнесенію смертнаго приговора. хотя убійца не обличается съ тѣмъ вмѣстѣ ни въ какой опрометчивости словъ; такъ, кажется мнѣ, хорошо будетъ въ обличеніи Евномія представить только его нечестіе, а злословіе противъ насъ отложить въ сторону. Ибо явно, что, съ обнаруженіемъ зломыслия въ важнѣйшемъ и существенномъ, обличается вмѣстѣ и все прочее, какъ возможное для него, хотя и не будемъ съ точностію говорить о всемъ подробно. Итакъ главное, къ чему стремится онъ и въ прежнемъ своемъ словѣ, и въ томъ, которое разбираемъ теперь, есть хула на догматъ благочестія; все же стараніе прилагаетъ совершенно извратить, изгнать, уничтожить благочестивыя понятія о едиnorodномъ Богѣ и о Святомъ Духѣ. Посему, чтобы умствованія его о догматахъ истины оказались наиболѣе живыми и несостоятельными, сперва предложу буквально сказанное о нихъ Евноміемъ, а потомъ, возвратясь опять къ сказанному, изслѣдую каждое изреченіе отдѣльно.

«Все наше догматическое ученіе ограничивается превысшею и въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемою сущностію, еще тою, которая отъ нея существуетъ, послѣ же нея первенствуетъ надъ всѣми иными, наконецъ третією, которая не состоитъ въ одномъ ряду ни съ одною изъ поименованныхъ, но под-

чинена одной, какъ причинѣ, а другой, какъ дѣйствованію, которымъ пришла въ бытіе; безъ сомнѣнія же для восполненія всего ученія берутся вмѣстѣ и дѣйствованія послѣдующія за сущностями и сродныя имъ именованія. Еще же поелику каждая изъ сихъ сущностей, отдѣльно взятая проста, и въ собственномъ своемъ достоинствѣ и есть, и умопредставляется, совершенно одна, а дѣйствованія опредѣляются дѣлами, и дѣла измѣряются дѣйствованиями дѣйствующихъ; то по всей необходимости за каждою изъ сущностей послѣдующія дѣйствованія одни меньше, другія больше, одни состоятъ въ первомъ, другія во второмъ ряду, и вообще говоря, доходятъ до такой разности, до какой могутъ доходить дѣла; потому что не позволительно назвать однимъ и тѣмъ же дѣйствованіемъ, которымъ сотворилъ ангеловъ, или звѣзды, или небо, или человѣка; но сколько одни дѣла превосходиѣе и досточестиѣе другихъ, столько и дѣйствованіе выше другаго дѣйствованія, какъ скажетъ иный благочестиво разсуждающій; такъ какъ однѣ и тѣже дѣйствованія производятъ тождество въ дѣлахъ, а разныя дѣла указываютъ и на разность дѣйствованій. Поелику же сіе дѣйствительно такъ, и взаимнымъ отношеніемъ одного къ другому соблюдается непремѣнная связь; то производящимъ изслѣдованіе въ сродномъ вещамъ порядкѣ надле-

жить не смѣшивать всего вмѣстѣ, усиливаясь слить это; и если поднять будетъ споръ о сущности, то изъ первыхъ и непосредственно принадлежащихъ сущностямъ дѣйствованій производить удостовѣреніе въ доказываемомъ и разрѣшеніе спорнаго; а при разрѣшеніи сомнѣній о дѣйствованіяхъ изъ сущностей самымъ причиннымъ и для всѣхъ полезнымъ почитать поступленіе отъ первыхъ ко вторымъ.»

14. Итакъ вотъ хитросплетеніе хулы! Истинный же Богъ нашъ, Сынъ истиннаго Бога, водительствомъ Святаго Духа да направитъ слово къ истинѣ. Будемъ опять повторять сказанное по порядку. Евномій говоритъ, что «догматическое его ученіе ограничивается превысшей и въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемою сущностію, еще тою, которая отъ нея существуетъ, послѣ же нея первенствуетъ надъ всѣми иными, наконецъ третьію, которая не состоитъ въ одномъ ряду ни съ одною изъ поименованныхъ, но подчинена одной, какъ причинѣ, а другой—какъ дѣйствованію.» Итакъ первое злоухищреніе въ книгѣ есть слѣдующее: Евномій, обѣщая изложить намъ таинственный догматъ, какъ бы исправляя евангельскія реченія, не употребляетъ тѣхъ именованій, въ которыхъ Господь предалъ намъ таинство сіе въ таинководствѣ вѣры; напротивъ того, умолчавъ имя Отца и Сына и Святаго Духа, вмѣсто Отца именуешь

какую-то превысшую и въ самомъ собственномъ смыслѣ именуемую такъ сущность, вмѣсто Сына — сущность, которая отъ первой существуетъ, послѣ же нея первенствуетъ надъ иными, а вмѣсто Святаго Духа сущность, которая не состоитъ въ одномъ ряду ни съ одною изъ поименованныхъ. Но если и такъ выразиться сообразнѣе было съ дѣломъ; то Истина, безъ сомнѣнія, не затруднилась бы въ изобрѣтеніи сихъ словъ; не затруднились бы, конечно, и пріившіе потомъ на себя проповѣдь таинства, и *исперва саловидцы и слушавшіи Словесе* (Лук. 1, 2.), а послѣ нихъ цѣлую вселенную наполнившіе евангельскими догматами, и опять послѣ сего по временамъ востававшія недоумѣнія о догматѣ разбиравшіе на общемъ соборѣ, записанныя преданія которыхъ всегда сохраняются въ церквахъ. Если бы такъ надлежало выражаться, то не было бы у нихъ и упоминанія объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ. Если совершенно благочестиво или безопасно реченія вѣры замѣнить этою повизною; то значить, что невѣжды, неоглашенные въ таинствахъ, неслыхавшіе именованій, какъ выражается Евномій, сродныхъ, были всѣ тѣ, которые и не умѣли и не хотѣли собственныя свои понятія сдѣлать предпочтительнѣйшими именованій, преданныхъ намъ въ Божественномъ словѣ?

15. Но всѣмъ, думаю, явна причина этого

составленія новыхъ именъ. Ибо всякій чело-
вѣкъ, услышавъ названіе Отца и Сына, тот-
часъ изъ самыхъ именъ познаеть свойствен-
ное имъ и естественное одного къ другому
отношеніе; потому что изъ сихъ названій само
собою разъясняется сродство естества. Посему,
чтобы не было сіе разумѣемо объ Отцѣ и
единородномъ Сынѣ, скрадываетъ чрезъ это
у слушателей то понятіе взаимнаго свойства,
которое съ именами само собою входитъ въ
мысль; и, отложивъ въ сторону реченія бого-
духовенныя, въ изложеніи догмата пользуется
реченіями придуманными ко вреду истины.

Но прекрасно говоритъ Евномій слѣдующее:
въ семь заключается догматическое ученіе не
вселенской, но нашей церкви. Всякому же,
у кого есть умъ, легко разумѣть нечестіе ска-
заннаго. Но, можетъ быть, не неблаговремен-
но будетъ подробно изслѣдовать въ словѣ, съ
какимъ намѣреніемъ одной сущности Отца
Евномій приписываетъ, что она есть превыс-
шая и въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ
именуемая, ни Сыну, ни Святому Духу не доз-
воляя быть высшею и собственно такъ назы-
ваемою сущностію. Ибо думаю, что въ этомъ
видно стараніе совершенно отрицать по сущ-
ности Единороднаго и Духа, и Евномій та-
кимъ ухищреннымъ словосоставленіемъ не-
примѣтно ведетъ къ сему именно, что суще-
ствуютъ Они только по видимому и по имени,

истинное же исповѣданіе Ихъ въостаси таковымъ построениемъ рѣчи отвергаетъ; а что таковъ оборотъ рѣчи, безъ труда примѣтитъ, кто не на долго остановится на Евноміевомъ словѣ. Кто признаетъ, что Единородный и Духъ Святой истинно существуютъ по собственной Своей въостаси, тому не свойственно много толковать о признаніи именъ, которыми, думаетъ онъ, должно чествовать сущаго надъ всѣми Бога; ибо крайнюю означало бы простоту, соглашаться въ дѣлѣ, и привязчиво спорить о словахъ. А теперь объ одной сущности Отца засвидѣтельствовавъ, что она высочайшая и въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ именуемая, умолчаніемъ о прочихъ приводитъ къ заключенію, что они не въ собственномъ смыслѣ существуютъ. Ибо какъ сказать, что существуетъ истинно, о чемъ не засвидѣствовано, что существуетъ въ собственномъ смыслѣ? О чемъ не признано, что оно наименовано въ собственномъ смыслѣ, тому необходимо придать противоположное именованіе; и что не въ собственномъ смыслѣ, то, безъ сомнѣнія, недѣйствительно таково. Посему утверждаемое о чемъ либо, что существуетъ не въ собственномъ смыслѣ, дѣлается доказательствомъ совершеннаго несуществованія; сіе то, вѣроятно, имѣя въ виду, Евномій вводитъ эти новыя именованія въ своемъ догматѣ. Ибо никто, конечно, не ска-

жетъ, что Евноміи по недоразумѣнію впасть въ необдуманное предположеніе, и высшимъ опредѣляетъ мѣсто, находящееся вверху, и Отцу какъ бы отдѣляетъ высокую какую-то стражу, а Сына помѣщаетъ въ мѣстахъ низменныхъ. Ибо не найдется такого ребенка по уму, чтобы въ разсужденіи духовнаго и безилотнаго естества представлялъ себѣ разность по мѣсту; потому что тѣламъ свойственно положеніе на мѣстѣ; а духовное и невещественное по естеству признается далекимъ отъ понятія о мѣстѣ. Посему, какая же причина сущности одного Отца называться превысшею? Ибо не легко кому либо представить, будто бы по какому-то невѣжеству въ эти мысли вовлеченъ былъ тотъ, кто во многомъ, чѣмъ высказываетъ себя, принимаетъ видъ мудреца, и, какъ выражаетъ Божественное Писаніе, мудрится *излише* (Еккл. 7, 17.).

Но не скажетъ онъ, будтобы наименованіе высшею показываетъ въ сущности превосходство силы, или благодати, или другаго чего подобнаго; ибо всякому (не говоримъ о хвлящихся превосходствомъ мудрости) извѣстно и то, что не имѣть недостатка въ совершенной благодати и силѣ и во всемъ подобномъ вностае Едиnorodнаго и Святаго Духа; потому что всякое благо, поколику не допускаетъ оно противоположнаго, не имѣть предѣла благодати, ограничивается же обыкновенно

одними противоположностями, какъ можно это видѣть въ отдѣльно взятыхъ примѣрахъ: силѣ конецъ, какъ скоро мѣсто ея заступаетъ немощь; жизнь ограничивается смертію; свѣту предѣлъ—тма; и кратко сказать, всякое отдѣльно взятое благо прекращается противоположнымъ ему. Поэтому если Евномій предполагаетъ, что естество Единороднаго и Духа удобопревратно въ худшее: то справедливо умаляетъ понятіе о благодати Ихъ, такъ какъ могутъ Они быть увлечены и противоположнымъ. А если божественное и неизмѣняемое естество не допускаетъ до Себя ни чего худшаго (а сіе признается самими врагами); то, безъ сомнѣнія, умопредставляется Оно неопредѣлимымъ въ разсужденіи добра; а неопредѣлимое есть одно и тоже съ безпредѣльнымъ. Въ безпредѣльномъ же и неопредѣлимомъ представлять увеличеніе и уменьшеніе — крайне неразумно. Ибо какъ сохранится понятіе безпредѣльности, если о безпредѣльномъ будемъ утверждать, что оно бываетъ больше и меньше? Большее познаемъ изъ взаимнаго сравненія предѣловъ; а у чего нѣтъ предѣловъ, въ томъ какъ возможетъ кто представить избытокъ? Или Евномій, представляя себѣ не это, а нѣкое преимущество по времени, понятіе большаго придастъ тому, что старше по древности, и по сей причинѣ одну сущность Отца называетъ превышею? Итакъ пусть скажетъ

Евноміи, чѣмъ измѣрилъ это большее въ жизни Отца, когда не представляется никакого временнаго разстоянія прежде вѣности Единороднаго?

Но если бы и было это разстояніе (пусть сказано будетъ сіе пока предположительно), сущность, по времени предшествующая той, которая пришла въ бытіе послѣ, какое преимущество имѣеть въ бытіи (разумѣю относительно къ самому понятію бытія), чтобы одну именовать превысшею и въ собственномъ смыслѣ такъ именуемою, а о другой утверждать, что она не такова? Ибо у предшествовавшей въ сравненіи съ младшею, хотя время жизни больше, сущность однакоже отъ этого ни больше ни меньше. Болѣе же яснымъ содѣлается это изъ примѣровъ. Въ отношеніи къ сущности меньше ли Авраама имѣлъ чрезъ четырнадцать родовъ явившійся на свѣтъ Давидъ? Измѣнилось ли сколько нибудь въ немъ человѣчество? Меньше ли былъ человѣкомъ Давидъ, потому что по времени жилъ позднѣе Авраама? И кто столько тупоумецъ, чтобы могъ сказать это? Ибо понятіе сущности, нимало неизмѣняемое съ продолженіемъ времени, въ отношеніи къ обоимъ одно. И никто не скажетъ, что одинъ въ большей мѣрѣ человѣкъ, потому что предшествовалъ по времени, а другой меньше причастенъ человѣческаго естества, потому что вступилъ въ жизнь послѣ

другихъ, какъ будто или растрчено естество предшественникамъ, или время истощило его силу въ жившихъ прежде. Ибо не времени принадлежитъ опредѣлять каждому мѣру естества; напротивъ того естество пребываетъ само по себѣ, соблюдая себя посредствомъ появляющихся вновь; а время течетъ собственнымъ своимъ чередомъ, или содера въ себѣ, или минуя, естество постоянное, непреложное, пребывающее въ собственныхъ своихъ предѣлахъ. Посему и тогда не докажутъ, что у одного отца въ собственномъ смыслѣ превышая мѣра сущности, если бы было допущено, что по времени имѣетъ Онъ больше, какъ предположило слово; а безъ всякой разности въ старшинствѣ времени какъ представить кто либо подобное нѣчто о естествѣ предвѣчномъ? Поелику всякое измѣряемое разстояніе открывается въ томъ, что ниже естества Божія; то какое остается основаніе у предприемлющихъ довременную и нецостижимую сущность различать по разности понятій: выше и ниже?

Но никакого нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что защитою іудейскаго догмата служить утверждаемое сими, доказывающими существованіе единой сущности Отца (которой одной рѣшительно приписываютъ они бытіе въ собственномъ смыслѣ), а сущность Сына и Духа полагающими въ числѣ не существующихъ; по-

тому что всему не въ собственномъ смыслѣ сущему приписывается бытіе только на словахъ, по обычному неправильному словоупотребленію; какъ и человѣкомъ называется не уподобительно показываемый въ изображеніи; напротивъ того въ собственномъ смыслѣ называемый симъ именемъ есть не подобіе человѣка, но первообразъ подобія. А изображеніе по имени только человѣкъ, и не можетъ по этому въ собственномъ смыслѣ называться тѣмъ, чѣмъ называется; такъ какъ по естеству оно не то, чѣмъ именуется. Такъ и здѣсь, если сущность одного Отца называется въ собственномъ смыслѣ, а сущность Сына и Духа не въ собственномъ; что означается симъ? Не явное ли это отрицаніе спасительной проповѣди? Итакъ пусть бѣгутъ опять отъ церкви въ іудейскія синагоги, не уступая Сыну бытія въ собственномъ смыслѣ, и тѣмъ доказывая, что вовсе не имѣетъ Онъ бытія; потому что недѣйствительное одно и тоже съ несуществующимъ.

А поелику Евномію хотѣлось бы въ подобныхъ вещахъ быть мудрымъ, и презираетъ онъ тѣхъ, которые предпринимаютъ писать безъ логической строгости; то пусть скажетъ намъ презрѣннымъ: въ какой мудрости почерпнулъ онъ познаніе о большемъ и меньшемъ относительно къ сущности? Какая причина установила такую разность, что какая нибудь

сущность больше другой сущности, по самому, разумѣю, значенію сего слова : сущность? Ибо пусть не представляетъ намъ тѣхъ разностей въ качествахъ, или въ отличительныхъ свойствахъ, какія по закону мышленія понимаемъ какъ принадлежности сущности; составляющія нѣчто иное съ подлежащимъ. Ибо не разности испареній, или цвѣтовъ, или тяжести, или силы, или достоинства, или поведенія и нрава, или чего либо инаго усматриваемаго въ тѣлѣ и душѣ, предлагается теперь изслѣдовать; но разумѣю самое подлежащее, чему въ собственномъ смыслѣ придается наименованіе: сущность; о семъ спрашивается: точно ли какая либо сущность имѣетъ съ другою разность въ большей мѣрѣ бытія? Но донынѣ еще не слышали мы, чтобы изъ двухъ существъ, признаваемыхъ имѣющими бытіе, пока оба существуютъ, въ одномъ бытіе было въ большей, а въ другомъ въ меньшей мѣрѣ; потому что и то и другое равно имѣетъ бытіе, пока пребываетъ тѣмъ, что оно есть, и, по сказанному, нѣтъ причины къ предпочтительнѣйшему, или продолжительнѣйшему бытію въ чемъ либо одномъ.

Посему, если вовсе не позволяетъ Евноміи представлять себѣ Единороднаго имѣющимъ сущность (ибо на это, кажется, поползается тайно рѣчь его); то не приписывающій Ему бытія въ собственномъ смыслѣ, пусть, раз-

суждая о Немъ, не уступаетъ Ему и меньшаго. Если же Сына, какъ ни есть, состоящаго въ бытіи, исповѣдуетъ силою самосущею (объ этомъ не было у насъ еще спора); то почему опять отъемлетъ данное, доказывая, что Тотъ, чье бытіе онъ исповѣдалъ, имѣетъ бытіе не въ собственномъ смыслѣ? А это значить тоже, какъ было сказано, что и вовсе не быть. Какъ не возможно быть человѣкомъ тому, къ кому совершенно неприменимо соотвѣтственное сему имени понятіе; и у кого недостатокъ отличительныхъ свойствъ, у того отъемлетъ цѣлое понятіе сущности; такъ и о каждой вещи, о которой засвидѣтельствовано, что имѣетъ бытіе несовершенно и не въ собственномъ смыслѣ, частное признаніе бытія не заключаетъ въ себѣ никакого доказательства о бытіи вполнѣ; напротивъ того указаніе на бытіе несовершенно доказываетъ всецѣлое несуществованіе подлежащаго. Посему, если здравомысленъ, то пусть обратится къ благочестивому разумѣнію, изъяснивъ изъ догмата понятіе о меньшей и не собственно такъ называемой сущности Единороднаго и Святаго Духа. Если же рѣшился непремѣнно нечестивать (и не знаю, почему же ему хочется Творцу своему, Богу и благодѣтелю воздать хулою); то да потерпитъ наказаніе за мнѣніе о своей учености, будто бы значить онъ нѣчто, по невѣжеству подчинивъ одну сущность другой,

утверждая, что, по неоткрытому еще закону, одна сущность выше, другая ниже, свидѣтельствуя, что одна въ собственномъ смыслѣ, а другая не въ собственномъ такъ называется. Ибо и изъ философствовавшихъ въ вѣры не знали мы ниодного, кто предавался бы сему бреду; потому что такое мудрованіе не согласно ни съ богодухновенными изреченіями, ни съ общими понятіями.

Посему цѣль измышленія сихъ именованій достаточно, думаю, объяснена сказаннымъ, и именно, что реченія сіи предварительно полагаютъ Евномій какъ бы въ убѣжище и въ основаніе всего своего злаго умысла касательно догмата, чтобы, приготовляя умъ, представлять себѣ одну только въ самомъ собственномъ и высшемъ смыслѣ сущность, безъ труда рѣшить о другихъ, какъ объ умпредставляемыхъ въ смыслѣ низшемъ и не собственномъ. Наипаче же показываетъ это въ послѣдующемъ, гдѣ, излагая свои мнѣнія о Сынѣ и о Святомъ Духѣ, не употребляетъ сихъ реченій, чтобы, какъ сказалъ я прежде, сими наименованіями невольно не показать свойства въ ихъ естествѣ; но дѣлаетъ безыменное о нихъ упоминаніе сей поучающей, что «отъ сродныхъ именъ и реченій должно возводить разумніе слушающихъ.» Но какое имя сроднѣе употребленнаго самою истиною? Евномій же учитъ вопреки Евангелію, именуя не Сына,

но Сущность отъ высшей происходящую и послѣ оной предъ всеми существами первенствующую. А что говорится это къ извращенію благочестиваго понятія объ Единородномъ, еще болѣе обнаружится сіе изъ остальнаго Евноміева разсужденія. Но послѣ въ сказанномъ у него, по видимому, соблюдается средина, такъ что и не утверждающій о Христѣ ничего нечестиваго могъ бы употребить иногда сіи реченія; то по сей причинѣ и я не коснусь теперь ученія о Господѣ, чтобы сберечь мѣсто опроверженію самыхъ явныхъ на Него хуленій; но по мѣрѣ силъ моихъ изслѣдую ученіе Евномія о Святомъ Духѣ, потому что явную и ничѣмъ не прикрытую произносить о Немъ хулу, говоря, что Духъ не равночестенъ Отцу и Сыну, но подчиненъ Тому и Другому.

16. Посему вникнемъ сперва, какое значеніе слова: подчиненіе, и въ какихъ случаяхъ божественное Писаніе употребляетъ такое реченіе. Почтивъ человѣка тѣмъ, что созданъ по образу Сотворившаго, Создатель Богъ подчинилъ ему всякое неразумное естество, какъ воскликнулъ великій Давидъ, изображая благодать сію въ пѣснопѣніяхъ. Ибо говоритъ: *вся покорилъ подѣ нозѣ ея* (Пса. 8, 7.), и поименно упоминаетъ о подчиненныхъ. Но въ Божественномъ Писаніи еще и иное означается словомъ подчиненіе; ибо Давидъ же, причину успѣховъ

своихъ во браняхъ восписуя Богу всяческихъ, говоритъ: *покори люди намъ, и языки подъ ноги наша* (Пса. 46, 4.), и еще: *покоривый люди подъ мя* (Пс. 17, 48.). И въ божественныхъ Писаніяхъ часто можно находить слово сіе означающимъ владычество надъ сопротивными. Ибо изреченіе Апостола о будущемъ наслѣдкѣ подчиненіи всѣхъ людей Единородному и чрезъ Него Отцу (1 Кор. 15, 28.), гдѣ онъ въ глубинѣ премудрости говоритъ, что самъ *ходатай Бога и человековъ* (1 Тим. 2, 5.) подчинится Отцу (симъ подчиненіемъ Отцу Сына, содѣлавшагося причастнымъ челоуѣчеству, давая разумѣть покорность всѣхъ людей), какъ требующее большаго и много труднѣйшаго изслѣдованія, оставлю на время. Но въ мѣстахъ ясныхъ, по которымъ нѣтъ никакаго сомнѣнія о значеніи слова: подчиненіе, въ какомъ смыслѣ утверждается, что сущность Духа подчинена сущности Сына и Отца? Въ томъ ли, въ какомъ Сынъ подчиняется Отцу, по разумѣнію Апостола? Но поэтому Духъ поставляется въ единомъ чинѣ съ Сыномъ, а не подчиняется Ему, если только подчиненныхъ два лица. Или не въ этомъ смыслѣ? Посему въ какомъ же иномъ, кромѣ того, въ которомъ, какъ научилъ насъ псаломъ, естеству разумному подчинено неразумное? Слѣдовательно столько отличны (е),

---

(е) Сынъ и Святой Духъ отъ Отца.

сколько естество неразумныхъ животныхъ отлично отъ естества человѣческаго. Но, можетъ быть, Евномій отвергнетъ и это понятіе? Слѣдовательно придетъ къ остальному значенію, — что естество, противостоявшее и противоборствовавшее прежде, послѣ того сильною необходимостію вынуждено подклониться подъ власть воспреобладавшаго.

Пусть изъ сказаннаго изберетъ, что угодно; но, не знаю, что именно избравъ, избѣжитъ неминуемаго осужденія въ хулѣ: тогда ли, когда скажетъ, что наравнѣ съ безсловесными подчиненъ Духъ, какъ человѣку подчинены рыбы, птицы и овцы; или когда, какъ отложившагося, плѣнникомъ приведетъ къ преизбыточествуящему силую? Или не согласится ни на одно изъ сихъ реченій, скажетъ же, что слово: подчиненіе употребилъ не по понятію, усвоенному Писаніемъ, но въ другомъ значеніи называетъ Духа подчиненнымъ Отцу и Сыну? Какое же это значеніе? Или тѣмъ самымъ, что Духъ есть третій въ порядкѣ, какій ученикамъ предасть Господомъ, Писаніе узаконяетъ подчинять, а не въ одинъ ставить рядъ? Поэтому на томъ же основаніи пусть и Отца подчинитъ Единородному, потому что Божественное Писаніе часто, представивъ имя Господа, на второмъ мѣстѣ дѣлаетъ упоминаніе о сущемъ надъ всѣми Богѣ. *Азъ и Отецъ*, говоритъ Господь (Іоан. 10. 30.), представ-

ляя Свое имя. И еще: *благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога* (2 Кор. 13, 13.);— и тщательно ищущимъ свидѣтельство въ Писаніи можно собрать тысячи такихъ мѣстъ, каково напримѣръ слѣдующее: *раздѣленія же дарованій суть, а тойжеде Духъ: и раздѣленія служеній суть, а тойжеде Господь: и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжеде есть Богъ* (1 Кор. 12, 4--6.), такъ что на этомъ основаніи пусть Духу и Сыну подчиненъ будетъ и Сый надъ всеѣми Богъ, упомянутый Павломъ на третьемъ мѣстѣ. Но и нынѣ не слышали мы еще этой мудрости, которая называемое въ какомъ либо ряду вторымъ или третьимъ низводитъ въ чинъ подвластнаго и подчиненнаго. Евномію только угодно доказывать, что извѣстный по преданію порядокъ лицъ указываетъ на преимущество и низшія степени достоинствъ и естествъ; ибо онъ утверждаетъ, что порядокъ мѣстъ служить указаніемъ инаковости естествъ, не знаю откуда заимствовавъ такое представленіе, и какою необходимостію доведенный до сего предположенія. Ибо численный порядокъ не производитъ разности естествъ, напротивъ того исчисляемое, каково по естеству, такимъ и пребываетъ само въ себѣ, будетъ ли оно исчисляемо, или нѣтъ. Число есть знакъ, дающій знать количество вещей; и во второй рядъ низводитъ не всегда непременно то, что ниже по достоинству естества, но по произволу

счисляющихъ приводитъ только въ рядъ вещи, обозначаемыя числомъ. *Павелъ и Силуанъ и Тимофей* (1 Сол. 1, 1.); здѣсь упомянуты три лица по волѣ упомянуваго; показываетъ ли же число, что Силуанъ, поставленный вторымъ послѣ Павла, есть нѣчто иное, а не человекъ? Или Тимофеей, поставленный на третьемъ мѣстѣ, въ слѣдствіе сего мѣста, даннаго ему въ ряду упоминающимъ такъ, представляется инаковымъ по естеству? Нѣтъ; потому что каждый изъ нихъ есть человекъ и прежде числа и послѣ онаго; слово же, поелику невозможно было однимъ реченіемъ означить вдругъ троицхъ, упоминаетъ о каждомъ отдѣльно въ произвольномъ порядкѣ, связуетъ же имена поставленнымъ между ними союзомъ, чтобы, какъ думаю, сею связію именъ показать согласіе троицхъ въ единомъ дѣлѣ.

Но не это угодно нововводителю догматовъ; онъ узаконяетъ, что противно порядку Божія слова; и что Самимъ Господомъ поставлено въ ряду со Отцемъ и Сыномъ, то, отдѣливъ отъ свойственнаго и естественнаго Ему мѣста въ ряду и сочетанія, причисливъ къ подчиненнымъ, и говоритъ, что это есть дѣло Того и Другаго,— Отца, какъ производящаго причину происхожденія, и Единороднаго, какъ отъ Себя производящаго уностасть Его; и опредѣляетъ, что это есть причина подчиненія, хотя не открывъ еще означемаго словомъ подчиненіе.

17. Потомъ говоритъ: «безъ сомнѣнія же берутся вмѣстѣ и дѣйствованія, послѣдующія за сущностями, и сродныя имъ именованія.» Смысль этихъ словъ не очень ясенъ, будучи прикровенъ великимъ мракомъ нечестія; но сколько иной можетъ проразумѣвать по догадкѣ, онъ таковъ: дѣйствованіями сущностей Евноміи, какъ думаю, именуется производящія Сына и Святаго Духа силы, которыми первая сущность произвела вторую, а вторая третію, и говоритъ, что наименованіе совершенныхъ дѣлъ составлены сродно съ дѣлами. Но ухищреніе въ разсужденіи именъ мы по возможности уже изслѣдовали: и когда достигнемъ этой части изслѣдованія, если потребуетъ слово, еще продолжимъ изслѣдованіе.

А теперь стоить пока разсужденія: какъ за сущностями слѣдуютъ дѣйствованія? Что такое они по собственному своему естеству? Иное ли что съ сущностями, за которыми слѣдуютъ? Или часть сущностей и естества? И если иное, то какъ, или отъ чего, происходятъ? Если тоже самое, то какъ отдѣляются, и вмѣсто того, чтобы нераздѣльно быть съ ними, совнѣ за ними слѣдуютъ? Ибо не просто дознать что-либо изъ сказаннаго. Естественная ли какая необходимость невольно вынуждаетъ дѣйствованіе, каково оно ни есть, слѣдовать за сущностію, какъ слѣдуютъ за огнемъ сгораніе и пары, и испаренія—за тѣлами, отъ

которыхъ они происходятъ? Но, думаю, и самъ Евномій не скажетъ этого; будто бы какимъ-то разнообразнымъ и сложнымъ достояніемъ почитать должно Божию сущность, которая не отдѣльнымъ и вмѣстѣ съ нею усматриваемымъ имѣетъ дѣйствованіе, открывающееся въ подлежащемъ какъ бы чѣмъ-то случайнымъ. Напротивъ того, говоритъ онъ, что произвольно и свободно движимыя сущности сами собою производятъ, чтó имъ угодно. Да и кто о томъ, чтó совершается произвольно по промышленію, скажетъ, что оно слѣдуетъ, какъ нѣчто совнѣ сопровождающее? Ибо не знаемъ, чтобы по общему словоупотребленію въ подобныхъ случаяхъ весьма обыченъ былъ такой образъ выраженія—о дѣйствованіи трудящагося надъ чѣмъ нибудь говорить: дѣйствованіе слѣдуетъ за трудящимся. Ибо отдѣлившему одно отъ другаго невозможно постигнуть остальное само по себѣ; но кто сказалъ: дѣйствованіе, тотъ въ словѣ семъ сообщалъ и движимое сообразно съ дѣйствованіемъ, и кто упомянулъ о дѣйствующемъ, тотъ, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ молча обозначилъ и дѣйствованіе. Но сказанное яснѣе будетъ въ примѣрахъ. Говоримъ, что такой-то куетъ или плотничаетъ, или работаетъ чтó-либо иное подобное. Итакъ однимъ словомъ въ рѣчи представляются вмѣстѣ и работа и занимающійся работою, такъ что, если опредѣлить то или другое, не оста-

нется и остающаго. Посему, если два предмета: самое дѣйствованіе, и сообразно съ онымъ приходящій въ движеніе, представляются одинъ съ другимъ вмѣстѣ: то почему здѣсь говорится, что за первою сущностію слѣдуетъ дѣйствованіе, производящее вторую сущность, какъ бы составляя собою среду между обѣими сущностями и не состоя ни въ согласіи по естеству съ первою, ни въ соприкосновеніи со второю? Ибо отдѣлено отъ одной тѣмъ, что оно не естество, но движеніе естества; не согласуется же съ слѣдующею за нею, потому что посредствомъ него произошло не чистое дѣйствованіе, но дѣйствующая сущность.

18. Потомъ вмѣстѣ съ симъ изслѣдуемъ и это: Евномій именуетъ сущность дѣломъ сущности, сущность вторую дѣломъ первой, а опять третію второй. Чѣмъ доказалъ онъ предварительно ученіе сіе? Какими доводами воспользовался для сего? Какимъ способомъ довелъ насъ до необходимости повѣрить, что послѣдующая сущность должна быть дѣйствованіемъ предшествующей? Если бы по прочему, усматриваемому въ твари, должно было умозаключать и о семъ: то, хотя и въ такомъ случаѣ не хорошо по дольнему гадать о превысшемъ, но, по крайней мѣрѣ, можетъ быть, извинительно нѣсколько было бы разуму при посредствѣ видимаго блуждать въ непостижимомъ. Теперь, кто рѣшится утверждать, что

небо — дѣло Божіе, а дѣло неба — солнце, и солнца — луна, а луны — звѣзды, и звѣздъ — что либо иное въ твореніи? Ибо все это — дѣло Единаго; потому что *единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, изъ Негоже вся* (Еф. 4, 6. 1 Кор. 8, 6.). Если же и приходитъ что въ бытіе другъ чрезъ друга, какъ рожденіе животныхъ, то и въ этомъ случаѣ происходитъ не что-либо иное, потому что въ раждающемся вновь остается тоже естество. Итакъ, почему, не имѣя возможности сказать подобное о чемъ либо изъ усматриваемаго въ твари, Евноміи доказываетъ это о превысшей сущности, что дѣло первой есть вторая сущность, и такъ далѣе? Если же, имѣя въ мысли рожденіе животныхъ, вообразимъ по этому и о пречистомъ ествѣ нѣчто подобное, такъ чтобы послѣдующее представлять себѣ дѣломъ предъидущаго; то и въ этомъ случаѣ не сохраняетъ Евноміи послѣдовательности рѣчи. Ибо раждаемое другимъ непременно однородно съ тѣмъ, отъ чего раждается; но онъ, чтобы показать обиліе лжи, какъ ловкій борецъ, предпріавъ обѣими руками низлагать истину, приписываетъ происходящимъ другъ отъ друга неоднородность и иноплеменность. Чтобы показать подчиненность и въ естественномъ достоинствѣ умаленіе Сына и Духа, говорить, что изъ одного произошло другое. А чтобы такимъ способомъ прихода въ бытіе

знающіе рожденіе одного отъ другаго не приведены были къ понятію о родствѣ, борется съ самымъ закономъ естества, говоря, что отъ одного происходитъ другое, и утверждая, будто бы Рожденный, что касается до естества Родшаго, не истинный сынъ.

Но за что, кажется мнѣ, въ правѣ иной прежде всего укорить Евномія, — состоитъ въ слѣдующемъ. Если бы это былъ кто другой, по неопытности въ словѣ не навикшій къ таковымъ постросніямъ мыслей и неупражнявшійся въ нихъ, и потомъ сталъ бы утверждать представившееся ему случайно; то, можетъ быть, извинительно было бы ему для доказательства догматовъ не воспользоваться способами при семъ употребительными. Поелику же у Евномія столько на это силы, что въ стремленіи все постигнуть простирается и до того, что внѣ области нашего естества; то почему не зналъ онъ начала, при помощи котораго въ сихъ покушеніяхъ разума совершается уразумѣніе всего сокровеннаго? Ибо кто не знаетъ, что всякое слово, заимствуя начала въ явномъ и всѣми познанномъ, сообщаетъ чрезъ это вѣроятность сомнительному, и что не иначе можетъ быть постигнуто что либо сокровенное, какъ при руководствѣ къ уразумѣнію неизвѣстнаго тѣмъ, что уже признано нами? Если же взятое за начала понятій къ открытію незнаемаго противорѣчитъ пред-

положеніямъ многихъ, то съ трудомъ развѣ и чрезъ это можетъ быть открыто то, чего не знаемъ.

У принадлежащихъ къ церкви вся борьба и весь споръ съ аномеями касательно догмата, — о томъ, должно ли естество Сына и Духа признать или, по слову противниковъ, сотвореннымъ, или не сотвореннымъ, какъ вѣруеть церковь. А Евномій то самое, чему всѣ противорѣчатъ, выдаетъ за исповѣдуемое всѣми, и, не нашедши никакого доказательства на то, что послѣдующая сущность есть дѣло предыдущей, смѣло утверждаетъ, что это дѣйствительно такъ, не знаю, по чьему наставленію, или по какой мудрости, осмѣлившись на сіе. Ибо если всякому доводу и доказательству надлежитъ предпоставлять какое либо безспорное и несомнѣнное исповѣданіе, такъ чтобы предвзятымъ доказывалось неизвѣстное, будучи представлено приспособительно къ посредствующимъ доводамъ; то искомое еще обращающій въ доводъ чего либо другаго не иное чтó подготавливаетъ, какъ невѣдѣніемъ невѣдѣніе, и обманомъ обманъ. А это тоже, что слѣпца, какъ говоритъ нѣгдѣ Евангеліе, дѣлать вождемъ слѣпцу (Матѳ. 15, 14.). Ибо по-длинно къ слѣпому и напрасно усиливающемуся слову, утверждающему, что Творецъ и Создатель всяческихъ есть тварь и произведеніе, присовокупляетъ другое слѣпое слово,

что Сынъ есть нѣчто чуждое естеству Отца, не подобное Ему по сущности, вовсе непричастное естественнаго съ Нимъ свойствá. Но не объ этомъ еще рѣчь; ибо гдѣ Евномій яснѣе открываетъ нечестіе своего мудрованія, тамъ и для насъ кстати будетъ помѣстить обличеніе нечестія; теперь же возвратиться намъ должно къ продолженію по порядку имъ сказаннаго.

«Еще же, поелику каждая изъ сихъ сущностей чиста, проста, совершенно едина, и такою умопредставляется по собственному своему достоинству, дѣйствованія же опредѣляются дѣлами, и дѣла соразмѣряются съ дѣйствованиями дѣйствовавшихъ: то по всей необходимости и дѣйствованія, послѣдующія за каждою сущностію, одни меньше, другія больше, и состоятъ то въ первомъ, то во второмъ ряду.» Смысль всего сказаннаго, хотя у Евномія содержится во множествѣ словъ, есть одинъ, — а именно старается онъ показать, что никакой нѣтъ связи у Отца съ Сыномъ и также у Духа съ Сыномъ, но сущности отдѣльны одна отъ другой, разъединены, суть какія-то чуждыя другъ другу естества, неродственные между собою, и разныя не въ этомъ только, но и въ количествѣ и въ пониженіи достоинствъ, такъ что одинъ, какъ говоритъ самъ Евномій, умопредставляются большими, другія меньшими, и во всемъ прочемъ имѣютъ несходство.

Хотя излишнимъ покажется для многихъ останавливаться надъ явнымъ и пытаться обличить подробно все, что, по мнѣнію многихъ, само въ себѣ ложно и гнусно, и не имѣеть никакой силы; однако же, чтобы не подать мысли, будто бы по недостатку обличеній нѣчто изъ сказаннаго имъ опустили изъ виду неизслѣдованнымъ, по мѣрѣ силъ приступимъ и къ этому. «Каждая изъ сихъ существей, говоритъ Евномій, чиста, проста, совершенно едина, и такую умопредставляется по собственному своему достоинству.» Здѣсь опять сомнительное представляя, какъ всѣмъ признаваемое, думаетъ онъ, будто бы сказалъ нѣчто, когда вмѣсто всякаго доказательства признаеть достаточнымъ самъ подтвердить сказанное. Три, говоритъ онъ, существи; ибо это оказывается изъ того, что сказалъ: «каждая изъ сихъ существей,» чего не сказалъ бы, если бы признавалъ одну существу. Посему, если такъ означаетъ взаимную разность существей, чтобы не подать о себѣ мысли, будто бы увлекается нечестіемъ Савеліа, который одному подлежащему приспосаблиеть три названія; то соглашаемся съ нимъ и мы, и никто изъ благочестивыхъ не воспрекословить этому ученію, развѣ только покажется Евномію погрѣшающимъ въ однихъ именахъ и въ словоупотребленіи, когда именуеть существи вмѣсто вностасей; ибо не всѣ тѣ вещи,

которымъ принадлежитъ одно и тоже понятіе сущности, подобнымъ сему образомъ подъ тождественное подходятъ понятіе и по вѣстаси. Петръ, Іаковъ, Іоаннъ по понятію сущности одно и тоже другъ съ другомъ, потому что каждый изъ нихъ человѣкъ; но по отличительнымъ свойствамъ вѣстаси каждаго изъ нихъ не сходятся между собою. Посему, если Евномій доказывалъ это, а именно, что не должно смѣшивать вѣстаси, и одному лицу приспособлять три наименованія; то будетъ, по свидѣтельству Апостола, *вѣрно слово его и всякаго пріятія достойно* (1 Тим. 1, 15.). Но поелику не это имѣеть въ виду, и говорить сіе, не вѣстаси различая между собою по усматриваемымъ въ нихъ свойствамъ, но доказываетъ, что самая подлежащая разсмотрѣнію сущность инакова съ другою, или, лучше сказать, сама съ собою, и посему именуеть многія сущности, такъ что каждая имѣеть нѣкую особящую се отъ другихъ инаковость; то посему утверждаю, что Евноміево разсужденіе не имѣеть ни начала, ни главной основы, и не доказываетъ хулы ничѣмъ общепризнаннымъ. Ибо нѣтъ у него доказательства, которымъ бы иный могъ быть приведенъ къ такому понятію о догматѣ: напротивъ того, какъ бы при пересказѣ сна, удерживаетъ голое и недоказанное изложеніе нечестія. Ибо тогда какъ церковь

учить не дѣлать вѣры на множество сущностей, но вѣровать, что въ трехъ Лицахъ и въпостасяхъ нѣтъ никакой разности по бытію, а противники въ самыхъ сущностяхъ полагаютъ видоизмѣненіе и несходство; Евномій, ни однимъ словомъ недоказанное, что даже и доказано быть не можетъ, смѣло подтверждаетъ, какъ доказанное, и до нынѣ, можетъ быть, не промолвивъ ничего въ уши слушателямъ. А могъ онъ научиться, смотря на выслушивающихъ разумно, что всякая рѣчь, пока по произволу носится недоказанною, есть такъ называемое пустословіе старухъ, не имѣющее никакой силы, чтобы доказать собою искомосъ,—когда въ защиту сказаннаго не приводится ни божественныхъ Писаній, ни человѣческихъ умозаключеній. Но довольно объ этомъ.

19. Разсмотримъ же сказанное. Евномій говоритъ, что проста и совершенно едина каждая изъ сихъ сущностей, которыя изобразилъ онъ въ словѣ. Но что просто божественное, блаженное и всякій умъ превышающее Естество, этому, думаемъ, не будутъ противорѣчить слишкомъ грубые и низкіе разумніемъ. Ибо предположить ли кто многовиднымъ и сложнымъ естество, не имѣющее ни вида, ни наружнаго образа, отрѣшенное отъ всякой количественности и мѣры въ величинѣ? Но что превысшую сущность признавать простою не согласно съ догматомъ, доказываемымъ по-

слѣдователями Евномія (хотя на словахъ все у нихъ согласно). это явно будетъ для остановившагося надъ симъ не надолго. Кто не знаетъ, что простота Святой Троицы, по самому своему понятію, не допускаетъ большаго и меньшаго? Ибо въ сущности, въ которой невозможно представить какаго-либо смѣшенія или стеченія качествъ, по которую постигаетъ мысль, какъ нѣкую недѣлимую на части и несложную силу, почему и на какомъ основаніи дозналъ бы кто разность большей и меньшей величины? Опредѣляющему сіи разности по всей необходимости должно представить себѣ столкновение какихъ либо качествъ въ подлежащемъ; потому что или примышляетъ въ нихъ разнствующее избыткомъ и недостаткомъ, и чрезъ это въ искомое вводитъ понятіе количественности, или устанавливаетъ ту мысль, что одна сущность преимуществуетъ предъ другою, или уступаетъ другой благостію, могуществомъ, мудростію или чѣмъ инымъ, что только благочестиво разумѣется о Божествѣ; въ такомъ случаѣ неизбежно понятіе сложности. Ибо у того существа нѣтъ никакаго недостатка въ мудрости, въ могуществѣ, или въ другомъ какомъ благѣ, у котораго благо не есть что-либо прибрѣтенное, но каково оно есть, такимъ и пребываетъ по природѣ. Посему, кто говоритъ, что въ Божественномъ еществѣ заключаются

меньшія и большія сущности, тотъ, самъ того не примѣчая, доказываетъ, что Божество сложено изъ чего-то неподобнаго, такъ что, по его разумѣнію, иное есть само подлежащее, а иное опять имъ приобрѣтаемое, по причастію въ чемъ бываетъ оно въ благѣ, не бывъ таковымъ само по себѣ. Если же Евномій представлялъ себѣ истинно простую и совершенно единую сущность, которая сама въ себѣ есть благо, а не дѣлается имъ чрезъ приобрѣтеніе; то не могъ приписывать ей большинства и меньшинства. Ибо и прежде сего было говорено, что благоуменьшается однимъ только присутствіемъ зла. А чье естество недоступно худшему, въ томъ не мыслимъ предѣлъ благости; неопредѣлимое же таково не по отношенію къ другому, но само по себѣ представляемое избѣгаетъ предѣла. Если же сказать: безпредѣльное безпредѣльнаго больше или меньше; то не знаю, какъ это сложится въ мысли. Поэтому, если Евномій признаетъ, что превысшая сущность проста и во всемъ сама съ собою согласна; то пусть согласится и на то, что она допускаетъ общеніе въ простотѣ и безпредѣльности. Если же отдѣляетъ и отчуждаетъ онъ сущности одну отъ другой, представляя себѣ сущность Единороднаго иною со Отцемъ, и также инаковою съ сущностію Единороднаго сущность Духа, и говоритъ о нихъ: эта больше, и эта меньше; то пусть признаетъ, что,

хотя, по видимому, приписываетъ имъ простоту, но въ дѣйствительности утверждаетъ ихъ сложность.

Возвратимся же опять къ сказанному имъ по порядку. «Такъ какъ сущность чиста, проста, совершенно едина, говоритъ онъ, и такою умопредставляется по собственному своему достоинству.»—Что значитъ: «по собственному своему достоинству?» Если разсматриваетъ сущности по общему ихъ достоинству, то и въ этомъ случаѣ было бы излишне, напрасно растягивало бы рѣчь прибавленіе сіе, останавливающееся на признаваемыхъ всѣми родахъ; но, можетъ быть, извинительною нѣсколько сдѣлалась бы неумѣстность выраженія, потому что благочестивый смыслъ даже пустотѣ и излишеству рѣчи придалъ бы качество быть сносными. Но теперь есть опасность погрѣшить ему не въ словахъ только (этотъ недугъ былъ бы удобоизлѣчимъ); напротивъ того дѣло состоитъ въ лукавыхъ ухищреніяхъ. Евномій простою называетъ каждую изъ трехъ сущностей, по собственному ея достоинству, чтобы въ началѣ высказанными у него опредѣленіями первой, второй и третьей сущности, повреждено было вмѣстѣ и понятіе простоты. Ибо какъ сущность Отца наименовалъ единою превысшею и единою въ собственномъ смыслѣ такъ называемую, ничего этого не признавъ о Сынѣ и о

Духъ, не употребивъ о нихъ выраженій: выснй и въ самомъ собственномъ смыслѣ, точно также, назвавъ сущности простыми, по мѣрѣ усматриваемаго въ каждой достоинства, и о понятіи простоты думаетъ, что надлежитъ приспособлять оное; почему въ самомъ собственномъ смыслѣ такъ называемая и первая сущность умопредставляется въ высней и совершенной простотѣ; вторая же соотвѣтственно, по мѣрѣ удаленія отъ первенства, понижается и въ понятіи простоты, а также послѣдняя на столько понижается въ понятіи совершенной простоты, на сколько и мѣра достоинства умаляется до крайности, такъ что согласно съ симъ сущность Отца умопредставляется чисто простою, сущность же Сына не въ точности простою, но въ примѣненіи къ ней естества сложнаго; а естество Святаго Духа имѣющимъ большую сложность, такъ какъ мѣра простоты на послѣдокъ постепенно умаляется. Ибо какъ о несовершенномъ благомъ признаемъ, что оно въ нѣкоей части причастно противнаго свойства, такъ и то, что не вполне просто, неизбежно кажется сложнымъ.

20. А что съ этою мыслию употребилъ Евномій реченіе сіе, яснѣе оказывается въ продолженіи рѣчи, гдѣ открытѣе понятіе о Сынѣ и Духѣ низводитъ до какихъ-то по землѣ пресмыкающихся и низкихъ предположеній. «Поелнку, говоритъ онъ, дѣйствозанія опредѣляются

дѣлами, и дѣла соразмѣряются съ дѣйствованіями дѣйствовавшихъ; то по сему необходимо, чтобы и дѣйствования, слѣдующія за каждою сущностію, были однѣ меньше, другія больше, и состояли, нныя въ первомъ, а другія во второмъ ряду.» И хотя, тщательно покрывъ сіе туманностію слововыраженія, устроилъ онъ, что понятіе этого для многихъ неудобно, однако же удобно объяснится изъ связи подлежащаго изслѣдованію. «Дѣйствования, говоритъ онъ, опредѣляются дѣлами.» А дѣлами именуется Сына и Духа, дѣйствованиями же производительныя силы, которыми они совершены, и о которыхъ не задолго прежде сказалъ, что слѣдуютъ онѣ за сущностями. Реченіе: опредѣляться выражаетъ прихождение въ равновѣсіе произведенной сущности съ производшею силою, или, лучше сказать, не силою, но дѣйствованіемъ силы, какъ называетъ самъ Евномій, чтобы произведение было дѣломъ не всей дѣйствующей силы, но нѣкоего частнаго дѣйствования, когда вся сила въ такой мѣрѣ пришла въ движеніе, въ какой нужно ей обнаружиться къ совершенію производимаго. И тоже самое опять приведя въ обратный порядокъ, говорятъ: «и дѣла соразмѣряются съ дѣйствованиями дѣйствовавшихъ.» А смыслъ сихъ словъ сдѣлается для насъ знакомѣе изъ примѣра. Предположимъ, что о какомъ либо орудіи для кожевнныхъ дѣлъ идетъ такая

рѣчь: если рѣзецъ, сдѣланный въ видѣ круга, наложень на что нибудь такое, на чемъ надлежитъ произойти такому изображенію, то вырѣзываемое имъ опредѣляется видомъ желѣза, и въ вырѣзкѣ окажется такой же величины кругъ, какой и у желѣза; и опять — какое разстояніе обойдетъ орудіе, такой мѣры и вырѣзкою опишетъ кругъ. Подобна этому мысль сего богослова о божественной уности Единороднаго. Нѣкое дѣйствованіе, говоритъ онъ, какъ бы орудіе, слѣдующее за первою сущностію, совершило соразмѣрное себѣ дѣло—Господа. Такъ умѣетъ онъ славить Сына Божія, Который прославляется нынѣ во славѣ Отчей, и откроется во время суда! О Немъ говорить, что Онъ есть дѣло, и соразмѣрень произведшему Его дѣйствованію! Поэтому какое же это дѣйствованіе, послѣдующее за Богомъ всяческихъ, умопредставляемое прежде Единороднаго и опредѣляющее Его сущность? Существенная ли это какая и самостоятельная сила, свободнымъ движеніемъ производящая, что ей угодно? Слѣдовательно она—Отець Господу, и для чего сущему еще надъ всеми Богу приисцелется названіе Отца, если не Имъ, но какимъ-то изъ послѣдующихъ совѣй дѣйствованіемъ произведень Сынъ? Почему Сынъ Тотъ, о Комъ Евноміи говорить, что произошелъ Онъ отъ чего-то инаго, какъ будто нѣкій подметный да проститъ Господь

за это слово!), вторгся въ свойство со Отцемъ, будучи почтенъ однимъ только наименованіемъ Сына? Почему же послѣ Бога всечестныхъ поставяетъ и Господа счисляющій Сына по Отцѣ третьимъ, потому что на второмъ мѣстѣ послѣ сущаго надъ всѣми Бога почитается оное посредствующее дѣйствованіе? Въ этомъ же порядкѣ и Духъ Святой, конечно, займетъ, уже не третіе, но пятое мѣсто; потому что, если оное дѣйствованіе считается на второмъ мѣстѣ по сущемъ надъ всѣми Богъ; то въ семъ порядкѣ и Духъ Святой непременно займетъ не третіе, но пятое мѣсто; такъ такъ, по Евноміеву слову, дѣйствованіе, послѣдующее за Единороднымъ, отъ Котораго состоялся Духъ Святой, конечно, считается между ними въ среднѣхъ.

Но въ слѣдствіе сего и сказанное: *вся быша* Сыномъ (Іоан. 1, 3.) окажется несостоятельнымъ; потому что этимъ новымъ богословомъ примышлена другая нѣкая ипостась, которая старше Единороднаго, и которую справедливо будетъ признать причиною сотворенія вселенной, такъ какъ, по словамъ ихъ, и происхожденіе Самаго Единороднаго зависить отъ онаго дѣйствованія. Если же, избѣгая сихъ несообразностей, скажетъ, что дѣйствованіе, произведеніемъ котораго опредѣляетъ онъ Сына, есть нѣчто неосуществленное; то пусть скажетъ еще, какъ за существомъ слѣдуетъ ни-

что? И какъ неосуществившимся производится осуществившееся? Ибо въ слѣдствіе сего откроется, что, хотя слѣдующее за Богомъ не существуетъ, однакоже сіе не сущее стало причиною существъ, и что не осуществилось въ своемъ естествѣ, то опредѣляетъ естество осуществившагося, а вся совершающая и зиждущая твари сила въ естественномъ своемъ основаніи заключена въ не существующемъ. Таковы догматы сего богослова, который о Господѣ неба и земли, о Создателѣ всей твари, о Сущемъ въ началѣ Божіемъ Словѣ, о Томъ, Кѣмъ *вся быша* (Іоан. 1, 3.), говоритъ, что отъ какой-то несуществующей и несостоявшейся вещи, или мечты, или, не знаю, какъ надлежитъ наименовать измышленное нынѣ Евноміемъ дѣйствование, произошелъ Онъ, и опредѣляется этимъ, какъ цѣкою оградой, объятый отвсюду небытіемъ. Но не уразумѣлъ этотъ видящій невидимое, къ какому концу обращается связь рѣчи. Ибо если дѣйствование Божіе не осуществлено, а имъ опредѣляется изъ небытія произведенное дѣло; то, конечно, произведеніе признано будетъ по естеству такимъ же чѣмъ-то, какимъ въ словѣ изображено естество производящаго дѣло. Ибо всякому извѣстно, чѣмъ представляется произведенное изъ небытія и небытіемъ объятое; именно: ничѣмъ; потому что не естественнo противоположному заключаться въ противополо-

ложномъ, какъ въ огнѣ не бываетъ воды, въ смерти — жизни, во тмѣ — свѣта, въ несуществующемъ—существующаго. Но Евномій, по преизбыточествующей въ немъ мудрости, или не разумѣлъ сего, или произвольно смежаетъ очи для истины.

Внушаетъ же по какой-то необходимости представлять себѣ меньшинство въ упостаси Единороднаго, и опять нѣкое усиленіе меньшинства предъ Сыномъ усматривать въ Святомъ Духѣ, выражая сіе такими словами: «по всей необходимости дѣйствования, послѣдующія за каждою сущностію, должны быть меньшія и большія.»—Сей необходимости, вынуждающей къ этому Божественное естество, и по жребію удѣляющей большее и меньшее, и отъ него мы не дознали, и сами собою уразумѣть донынѣ были не въ состояніи. Ибо у всѣхъ, принимающихъ простую проповѣдь въ простомъ ея смыслѣ, беретъ пока верхъ ученія, что на Божественномъ ествѣ не возлежитъ никакой необходимости, которая бы Единороднаго, какъ невольника какого, склоняла и вынуждала къ меньшинству. Но, оставивъ сіе, хотя бы стоило то и не малаго изслѣдованія, Евномій учитъ только, что должно представлять себѣ меньшее. Но необходимость не на семъ только останавливается слово, а и нѣчто большее уготовляетъ въ хулѣ, какъ это уже найдено отчасти. Ибо, если Сынъ произошелъ

не отъ Отца, но отъ какого-то неосуществленнаго дѣйствованія, то не только Онъ признаваемъ будетъ меньшимъ Отца, но все ученіе по необходимости сдѣлается вполнѣ іудейскимъ. Ибо произведеніе несуществующаго не малымъ только показываетъ слѣдствіе сей необходимости, но чѣмъ-то такимъ, что выговорить и обвиняющему безопасно. Какъ необходимо признается имѣющимъ бытіе раждаемое отъ существующаго, такъ по необходимости будетъ признано совсѣмъ инымъ происходящее отъ несуществующаго. Ибо когда что-либо не существуетъ само, тогда какъ осуществится отъ него другое?

Посему, если не имѣть собственной своей сущности это дѣйствованіе, послѣдующее за Богомъ и производящее Сына, то кто столько слѣпъ, что не уразумѣетъ уготовляемой хулы, а именно, что цѣль у Евномія клонится даже къ отрицанію нашего Спасителя? И если въ слѣдствіе ихъ ученія похищается у вѣры вностасть Сына, и ничего не оставляется Ему, кромѣ одного имени; то трудно будетъ вѣрить, что собственную Свою вностасть имѣетъ и Духъ Святыи, по ихъ родословію производимый отъ ряда неимѣющихъ бытія. Ибо когда нѣтъ въ бытія по сущности послѣдующаго за Богомъ дѣйствованія, и произведеніе онаго въ ученіи необходимо пріемлется за неосуществленное; а за снмъ оная слѣдуетъ иное нѣкое небытіе

дѣйствованія; потомъ отъ него, доказываютъ они. произошелъ Духъ: тогда не всякому ли явна хула. и именно. что, такъ какъ ученіе ихъ гонится за тѣнями и неосуществимыми вымыслами. и не опирается ни на чемъ истинно состоятельномъ, то, по ихъ доказательству, послѣ нерожденно сущаго Бога ничто не существуетъ въ истинномъ смыслѣ. И самое доказательство учащихъ подобному ввергаетъ ученіе въ таковую несообразность.

21. Но допустимъ предположительно, что дѣло не такъ; потому что и они исповѣдуютъ это, и на словахъ оказываютъ челоуѣколюбіе, Единородному Сыну и Духу Святому уступая бытіе въ собственной Ихъ уности. Впрочемъ, если бы, исповѣдуя сіе, исповѣдывали вмѣстѣ и принятія о Нихъ мнѣнія; то, конечно, не стали бы оспоривать догмата церкви, и не отторглись бы отъ общаго упованія христіанъ. Если же, какъ бы готова себѣ какое вещество для хулы и поводъ къ ней, дарятъ они Сыну и Духу Святому бытіе; то (хотя, можетъ быть, и смѣло будетъ сказать сіе) полезнѣе было бы для нихъ, отрекшись отъ вѣры, передаться на сторону іудейскаго служенія, нежели мнимымъ исповѣданіемъ вѣры оскорблять имя христіанъ. Ибо іудей, донинѣ пребывая неіріявными Слова, въ той только мѣрѣ нечествуютъ, что не исповѣдуютъ Христа пришедшаго, а надѣются, что придетъ;

не слышно же, чтобы высказалъ кто какое либо дурное понятіе, унижающее славу Ожидаемаго ими. Исповѣдники же новаго обрѣзанія, а лучше сказать, какъ говоритъ Апостолъ, *свѣченія* (Филип. 3, 3.), хотя не отрицаютъ, что пришелъ Ожидаемый; однакоже подражаютъ тѣмъ, которые невѣрjemъ и оскорбительными рѣчами безчестятъ пришествіе Господа во плоти. Іудеи намѣревались бросать въ Господа камнями (Іоан. 8, 59.); а сіи въ слово истины мещутъ хульными словами. Тѣ низкимъ и безславнымъ выставляли рожденіе во плоти, не касаясь и мыслию рожденія Божественнаго и предвѣчнаго; подобно тому и сіи, отрeksiлись исповѣдывать велезѣнное, высокое и неизреченное рожденіе отъ Отца, утверждаютъ, что Онъ бытіе пріялъ твореніемъ, которымъ сообщается бытіе и человѣческому роду, и всему сотворенному.

Въ грѣхъ ставили іудеи признавать Господа Сыномъ Сущаго надъ всеми Бога; негодуютъ и эти на исповѣдующихъ сіе о Немъ по истинѣ. И тѣ думали почитать Бога всяческихъ, отказавъ въ равночестіи съ Нимъ Сыну; и сіи тоже приносятъ въ даръ Сущему надъ всеми, отъятіемъ славы у Господа воздавая честь Отцу. Кто же, какъ должно, изобразитъ и прочее, сколько и какихъ оскорбленій оказываютъ Единородному? Измысливъ какое-то дѣйствование, предшествующее вностаеи Христовой,

называютъ Христа дѣломъ и произведеніемъ онаго, на что дотошъ не отваживались и іудеи. Потомъ ограничиваютъ естество Господа, заключая Его въ какіе-то предѣлы произведшей Его силы; и какъ бы мѣрою какою, окружая количествомъ дѣйствованія, которымъ Онъ произведенъ, этимъ измышленнымъ ими, дѣйствованіемъ, какъ нѣкою одеждою, облеченный отъ всюду. Въ этомъ не можемъ обвинить іудеевъ.

Потомъ усматриваютъ какое-то сокращеніе въ сущности въ смыслѣ меньшинства; не знаю, какимъ способомъ измѣривъ въ своемъ предположеніи неколичественное и не имѣющее величины, възъмѣвъ возможность найти, сколько Единородному Божию не достаетъ величины до совершенства, не имѣя чего усматривается Онъ въ умаленіи и несовершенствѣ, и многое другое частію признавая явно, а частію подтверждая тайно, въ упражненіе своего лукавства обратили исповѣданіе Сына и Святаго Духа. Посему участь ихъ не бѣдственнѣе ли іудейскаго осужденія, если на что не отваживались никогда іудеи, то такъ явно утверждается ими? Кто умаляетъ сущность Единороднаго и Святаго Духа, соглашаясь сказать, или выслушать это, тотъ, можетъ быть, покажется немного нечествующимъ. Но если кто въ точности изслѣдуетъ сіе ученіе, то уличитъ себя въ самой тяжелой хулѣ. Такимъ образомъ раземотримъ это, и да позволено

миѣ будетъ, въ изученіе и уясненіе утверждаемой противниками лжи, обратить слово къ изложенію нашихъ о семъ понятій.

22. Самое высшее раздѣленіе всѣхъ существъ—дѣлать все на разумное и чувственное. И естество чувственное у Апостола вообще названо *видимымъ* (Колос. 1, 16.). Ибо, какъ всякое тѣло имѣетъ цвѣтъ, который примѣчается зрѣніемъ; то, оставляя прочія качества, существенно принадлежащія тѣламъ, по качеству болѣе доступному для чувства наименовалъ видимымъ. Общее же имя всякаго разумнаго естества, какъ говоритъ Апостоль, есть *невидимое*; ибо изыятіемъ изъ постиженія чувственнаго руководить разумѣніе къ безплотному и разумному. Но разумъ и понятіе разумнаго дѣлать на два: естество несозданное, а въ слѣдъ за нимъ берется другое сотворенное; несозданное создаетъ тварь, а сотворенное въ несозданномъ ествѣ имѣетъ причину и возможность бытія. Посему къ существамъ чувственнымъ принадлежать все тѣ, которыя постигаются тѣлесными чувствилищами, и въ которыхъ разности качествъ допускаютъ отношеніе большаго и меньшаго, тогда какъ усматривается въ нихъ разность по количеству, качеству, и прочимъ отличительнымъ свойствамъ.

А въ ествѣ разумномъ, разумію естество твари, не имѣетъ мѣста такое же отношеніе

разностей, какое примѣчено въ чувственномъ; но открывается другой способъ, обнаруживающій разность большаго съ меньшимъ. Поеліку источникъ, начало и подаваніе всякаго блага усматривается въ Естествѣ несозданномъ, и всякая тварь къ Нему обращаетъ взоръ по общенію въ первомъ благѣ высшаго естества, къ Нему приближается и дѣлается Его причастицею по необходимости соразмѣрно причастию высшихъ даровъ, тогда какъ, по свободѣ произволенія, воспринимаютъ оныя одни въ большей, другіе въ меньшей мѣрѣ; то въ твари познается большее и меньшее соотвѣтственно вожделѣнію каждой. Ибо естество умопредставляется въ твари поставленнымъ на взаимномъ предѣлѣ благъ и противоположнаго благамъ, какъ способное къ свободному пріятію того и другаго, къ чему по избранію воли имѣетъ склонность, какъ дознали мы сіе изъ Писанія; а потому, по мѣрѣ отступленія отъ худшаго и приближенія къ прекрасному, умѣстно будетъ о превосходящемъ добродѣтелию сказать: больше и меньше. Но Естество несозданное далеко отстоитъ отъ таковой разности, потому что имѣетъ благо не пріобрѣтенное, и не причастиемъ какой либо высшей красоты пріямю въ себя красоту, но само въ себѣ, каково оно изначала, и есть благо, и умопредставляется благомъ, и составляетъ источникъ блага, и просто, и очевидно, и

несложно, по засвидѣтельствуванію даже препирающихся съ нами. Имѣеть же въ себѣ разность приличную величію естества, усматриваемую не въ большемъ и меньшемъ, какъ думаетъ Евномій. Ибо умаляющій понятіе о благѣ въ которомъ либо изъ Лиць признаваемыхъ вѣрою во Святой Троицѣ, безъ сомнѣнія, ведетъ къ той мысли, что въ обнаруживающемъ въ себѣ недостатокъ блага примѣшано нѣчто отъ противоположнаго состоянія, думать же сіе объ Единородномъ и о Святомъ Духѣ не благочестиво. Напротивъ того, несозданное Естество, созерцаемое въ крайнемъ совершенствѣ и непостижимомъ превосходствѣ, по отличительнымъ свойствамъ, какія у каждой Упостаси Святой Троицы, имѣеть неслитную и совершенную разность. По общенію въ несозданности имѣеть безразличіе, а по исключительному свойству каждаго Лица—не-сообщимость. Усматриваемая же въ каждой Упостаси особенность явно и чисто отдѣляетъ одну отъ другой; такъ объ Отцѣ исповѣдуемъ, что Онъ есть не созданный и нерожденный; ибо и не рожденъ и не созданъ. Посему несозданность эта у Него есть общая съ Сыномъ и Духомъ Святымъ. Но Отецъ и нерожденъ; это есть особенное, несообщимое, чего не находится ни въ одной изъ прочихъ Упостасей. Сынъ по несозданности едино со Отцемъ и Духомъ, но къ томъ, что есть и

именуется Сыномъ и Единороднымъ, имѣеть особенность, которой нѣтъ ни у сущаго надъ всѣми Бога, ни у Святаго Духа. Духъ же Святыи, по несозданности естества имѣя общность съ Сыномъ и Отцемъ, опять отличается отъ Нихъ собственными Своими признаками. Признакъ же и черта особенно Его отличающія— не быть ничѣмъ изъ того, что усматриваетъ разумъ въ Отцѣ и Сынѣ. Ибо не быть и не рожденно и единородно, вообще же быть — составляетъ исключительную Его особенность предъ поименованными Лицами. Будучи едино со Отцемъ по несозданности, опять отличается отъ Него тѣмъ, что не Отецъ, подобный оному Отцу; при единствѣ съ Сыномъ по несозданности, составляя съ Нимъ едино и потому, что причину бытія имѣеть въ Богѣ всяческихъ, не одно съ Сыномъ опять по Своей особенностям; потому что не единородно-происходитъ отъ Отца, и является чрезъ Сына. И опять, поелику тварь приведена въ бытіе Единороднымъ, то, чтобы не подумали, будто бы и Духъ, какъ явившійся чрезъ Сына, имѣеть иѣкую общность съ тварію, непреложностию, неизмѣняемостию, неизмѣнимъ нужды заимствовать отъ другихъ благость Духъ отличается отъ твари: потому что тварь не имѣеть непреложности въ естествѣ, какъ говоритъ Писаніе, повѣствуя о надеіи Деяницы (Иса. 44, 12.), о которомъ и Господь, открывая

тайнства ученикамъ, сказалъ: *видѣхъ сатану яко молнію съ небесе спадша* (Лук. 10, 18.). Но чѣмъ отличается отъ твари, тѣмъ самымъ состоитъ въ сродствѣ съ Отцемъ и Сыномъ. Ибо понятіе непреложности и неизмѣняемости одно и то же самое для всѣхъ существъ по естеству непріемлющихъ въ себя худшаго.

Такъ, изложивъ напередъ это, время уже намъ изслѣдовать наконецъ и ученіе противниковъ. «Необходимо, говоритъ Евномій, въ ученіи о Сынѣ и о Святомъ Духѣ быть большимъ и меньшимъ сущностямъ». Итакъ посмотримъ, въ какомъ смыслѣ разумѣтъ необходимость таковой разности, по какому произведенному сравненію измѣряемыхъ другъ другомъ, тѣлесному ли, или усматриваемому мысленно въ преизбыточествующемъ и недостаточествующемъ добродѣтелию, или по самой сущности? Но о сущности свѣдущими въ любознудріи о подобномъ сему доказано, что невозможно представить себѣ въ ней какую либо разность, если кто, очистивъ и обнаживъ сущность отъ усматриваемыхъ при ней качествъ и свойствъ, будетъ изслѣдовать ее въ себѣ самой, по самому понятію бытія. Усиленіемъ же и ослабленіемъ добродѣтели представлять себѣ таковую разность въ Единородномъ и Духѣ, и въ слѣдствіе сего естество Ихъ предполагать необходимо измѣняющимся въ то и другое, какъ равно приемлющее въ

себя противоположности, и стоящее на взаимномъ предѣлѣ прекраснаго и противнаго тому, — свойственно крайнему нечестію. Ибо кто говоритъ сіе, тотъ доказываетъ, что иное нѣчто есть естество сіе по собственному своему устройству, и инымъ чѣмъ либо дѣлается по причастію прекраснаго и дурнаго. Такъ бываетъ съ желѣзомъ, которое, долго оставаясь въ огнѣ, принимаетъ въ себя качество теплоты, продолжая быть и желѣзомъ; если же будетъ въ снѣгу или во льду, то измѣняетъ качество сіе въ другое, которое беретъ надъ нимъ верхъ, въ собственные свои части принимая холодъ снѣга.

Посему, какъ не по усматриваемому въ желѣзѣ качеству называемъ сіе вещество, не именуемъ его ни огнемъ, ни льдомъ, когда оно приняло въ себя качество одного изъ сихъ веществъ; такъ, если, по ученію нечестивыхъ, допущено будетъ о животворящей силѣ, что не по сущности пребываетъ въ ней благо, но происходитъ отъ приобщенія, то уже не въ собственномъ смыслѣ будетъ именоваться благомъ, напротивъ того такое предположеніе принудитъ представлять себѣ нѣчто иное, а именно нѣчто такое, въ чемъ благо не вѣчно усматривается, и что, взятое само по себѣ, не заключается въ естествѣ блага, такъ что нѣкогда въ этой силѣ не было блага, и нѣкогда опять не будетъ. Ибо если что по при-

частіи лучшаго дѣлается благомъ, то явно, что оно до причастія не было таковымъ. И если что, будучи инымъ, въ присутствіи блага приняло на себя его цвѣтъ, то, безъ сомнѣнія, какъ скоро разлучится съ благомъ, признаваемо будетъ за нѣчто другое, а не за благо. И если сія мысль одержитъ верхъ, то естество Божественное будетъ почитаемо не столько раздаятелемъ благъ, сколько само имѣющимъ нужду въ снабдителѣ благами. Ибо какъ сообщить кто другому то, чего не имѣетъ самъ? Поэтому, если обладаетъ благами совершенно, то не будемъ представлять себѣ никакого умаленія въ совершенствѣ; и не основателемъ тотъ, кто въ совершенномъ полагаетъ меньшее. Если же причастіе блага почитается у нихъ несовершеннымъ, и потому называютъ сіе меньшинствомъ; то, смотри, что изъ сего слѣдуетъ. Именно же, что въ такой мѣрѣ у себя имѣетъ, то будетъ не скуднѣйшему благодѣтельству, по прилагать стараніе восполнить недостающее себѣ самому; такъ что, по ихъ мнѣнію, ложно ученіе о промыслѣ, о судѣ, о домостроительствѣ, и о всемъ, что, по нашему вѣрованію, совершенно и всегда совершается Единороднымъ, потому что, по ихъ ученію, какъ и естественно, заняты Онъ попеченіемъ о собственномъ Своемъ благѣ, и оставилъ управленіе вселенною.

Если бы возобладало такое мнѣніе, что не

во всякомъ благѣ совершенъ Господь; то не трудно уже было бы уразумѣть, во что обратилась бы хула. Ибо въ такомъ случаѣ тщетна вѣра, напрасна проповѣдь, не состоятельны надежды, осуществляемые вѣрою. Для чего и крещаются во Христа, когда нѣтъ у Него собственной Своей силы для благодѣтельности? Да удалится отъ устъ моихъ эта хула! Для чего вѣрують въ Духа Святаго, если это о Немъ думаютъ? Какъ возраждаются крещеніемъ отъ растлѣннаго рожденія, когда, какъ они думаютъ, возраждающая ихъ сила не обладаетъ естественною непогрѣшительностію и неоскудѣваемою? Какъ тѣло смиренія ихъ преобразитъ Преобразующій, когда Самъ Онъ, какъ полагають они, имѣеть нужду въ измѣненіи Его на лучшее, требуетъ для себя другаго, кто преобразовалъ бы еще и Его? Ибо пока въ малой мѣрѣ обладаетъ благомъ естества, такъ какъ высшее естественно въ недостаточныхъ влагаеть непрестанное нѣкое влеченіе къ Нему, никакимъ образомъ не прекратится желаніе большаго, но при напряженномъ всегда вожделѣніи еще не полученнаго, обладающе меньшимъ будетъ вожделѣвать, большаго и большаго, измѣняться всегда въ высшее, и никогда не достигнетъ совершенства, потому что не найдетъ предѣла, за который взявшись, могло бы остановиться въ восхожденіи. Поелику первое благо по естеству безпредѣльно,

то по необходимости безпредѣльнымъ также будетъ и приобщеніе наслаждающагося благомъ, такъ какъ всегда объемлетъ въ большей противъ прежняго мѣрѣ, и всякій разъ находитъ необъятый еще избытокъ, и никогда не можетъ сравниться съ нимъ; потому что и то, чего приобщается, не имѣетъ предѣла, и то, что возрастаетъ отъ приобщенія, не престаётъ возрастать.

Таковы-то хулы, возникающія изъ понятія о разности въ обладаніи благомъ. Если же въ Единородномъ и въ Духѣ усматриваютъ въ тѣлесномъ нѣкоемъ понятіи разумѣмыя большее и меньшее; то несообразность ученія открывается сама собою безъ точнаго изслѣдованія въ подробности. Ибо, по всей необходимости, при такомъ предположеніи въ Божественное естество вводятся нѣкоторыя качества, разстояніе, объемъ, очертаніе, и все, что входитъ въ понятіе тѣла. А гдѣ допускается сложное, тамъ, безъ сомнѣнія, признается и разложеніе сложнаго. Но симъ несообразнымъ ученіемъ, которое осмѣливается утверждать, что въ неизмѣющемъ величины и сложности есть меньшее и превосходящее величиною, доказывается это и подобное этому, какъ изъ многаго не многое открыло намъ слово; потому что и не удобно открывать въ словѣ всю ложь, сокрытую въ семъ ученіи. Да и не многимъ изъ сказаннаго тѣмъ не менѣе обна-

ружится несообразность открывающагося въ слѣдствіе Евноміевой хулы. Но мы приступимъ къ продолженію сочиненія, предпоставивъ еще не многое къ утверженію нашего ученія. И поеліку во всякомъ догматѣ надежная повѣрка истины есть богодухновенное свидѣтельство; то хорошо, думаю, будетъ и въ нашемъ словѣ удостовѣрить присовокупленіемъ Божественныхъ словесъ.

23. Итакъ въ раздѣленіи существъ познаемъ слѣдующія разности. Первымъ (такъ какъ это первое для нашего постиженія) называю чувственное; послѣ же сего по руководству чувственного усматриваемое умомъ,—и это, какъ сказано нами, есть разумное. И опять въ разумномъ признаемъ мы другую разность, дѣля оное на созданное и не созданное; и о не созданномъ естествѣ опредѣлили мы, что это есть Святая Троица, созданнымъ же есть и именуется все, что представляется послѣ Нея. Посему, чтобы распредѣленіе наше не осталось не доказаннымъ, но было приведено въ несомнѣнность свидѣтельствами Писанія, присовокупимъ къ сказанному слѣдующее: Господь, какъ Богъ Слово, самолично свидѣтельству въ Евангеліи, что Онъ не созданъ, но изшелъ отъ Отца онымъ неизреченнымъ и несповѣдимымъ способомъ рожденія или исхожденія. И какой найдется свидѣтель болѣе истинный, нежели слово Самаго Господа, Ко-

торый во всемъ Евангеліи истиннаго Отца называетъ Отцемъ, а не Творцемъ Своимъ, и Себя Самаго именуеть не дѣломъ Божиимъ, но Сыномъ Божиимъ. Ибо какъ, въ означеніе общности Своей по плоти съ человѣческимъ родомъ, видимое называлъ Сыномъ человѣческимъ, показывая сродство по естеству плоти Своей съ тою отъ которой заимствована: такъ истинный и искренній союзъ съ Богомъ всѣческихъ означаетъ наименованіемъ Сына, словомъ: Сынъ, показывая сродство по естеству, хотя нѣкоторые къ испроверженію истины, взявъ отрывочно изъ приточнаго реченія, и безъ изъясненія предлагая сказанное угодобительно, темно и въ видѣ загадки, слово: *создать* (Прит. 8, 22.), которое приточникъ внесъ въ рѣчь отъ лица Премудрости, употребляютъ въ защиту извращенія ими догмата, говоря, въ словахъ: *Господь созда Мя*, заключается несовѣданіе, что Господь созданъ, такъ что Самъ Единородный словомъ симъ не отрицаетъ таковой мысли. Но намъ не должно обращать вниманія на слова сіи; ибо они не представляютъ доказательства, что слова сіи непременно должно относить къ Господу, и не возмогутъ доказать, что по еврейскому чтенію смыслъ изреченія ведетъ къ сему значенію; потому что прочіе толковники вмѣсто *созда* перевели: *стяжалъ, поставилъ*. Но если бы и такое было чтеніе въ первоначальномъ Писа-

нин, смыслъ выраженія не былъ бы не труденъ и ясенъ, потому что приточное ученіе показываетъ цѣль сказуемаго не явно, но прикровенно, не въ прямыхъ выраженіяхъ, какъ изъ сказаннаго въ связи съ симъ мѣстомъ можно узнать неудобопонятность слова. Напримѣръ сказано: *егда отлучаше престолъ Свой на вѣтрыхъ* (27) и тому подобное; какой разумѣется Божій престолъ? вещественный, или мысленный? И какіе вѣтры? Эти ли обыкновенные и извѣстные, которые, по словамъ естествоиспытателей, происходятъ изъ паровъ и испареній? Или представляемые происшедшими инымъ способомъ, который невѣдомъ обычному человѣческому знанію? И сіи-то вѣтры, по слову приточника, послужили основаніемъ престолу? И какое сѣдалище у безплотнаго, неописуемаго, неизобразимаго Бога? И все подобное кто уразумѣеть по обычному значенію сихъ словъ?

Поэтому явно, что представляемая изреченія суть какія-то загадки, заключающія въ себѣ взглядъ болѣе глубокій, нежели каковъ ихъ смыслъ, представляющійся съ перваго раза; поэтому предположеніе, будто бы Господь созданъ, никонимъ образомъ не составитя изъ сего мѣста Писанія въ разсуждающихъ благочестиво, а наипаче въ наученныхъ велегласіемъ Евангелиста, который говоритъ, что все сотворенное сотворено Имъ, и о Немъ состоя-

лось. Ибо сказано: *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 3.) о Немъ. Евангелистъ не сказалъ бы сего утвердительно, если бы вѣровалъ, что и Самъ Господь есть одна изъ тварей. Ибо какъ было бы все сотворено Имъ, и сотворенное о Немъ возымѣло состоятельность, если бы Онъ, какъ Творецъ, не былъ непремѣнно чѣмъ-то инымъ отъ естества сотворенныхъ, и не Онъ содѣлалъ, не Себя, но тварь? Если тварь Имъ, Самъ же Господь не Самъ Собою; то, конечно, все же Онъ нѣчто иное, а не тварь. Посему когда Евангелистъ сказалъ: *вся Тьма быша, и безъ Него ничто же бысть, еже бысть* о Немъ, очевидно симъ показавъ, что все сотворенное сотворено о Сынѣ, и не другимъ Кѣмъ приведено въ бытіе.

Слово сіе продолжаетъ Павелъ, и чтобы не оставить никакого повода къ хульной рѣчи, именно же къ тому, чтобы естество Духа причислять къ тварямъ, перечисляетъ (сказывая, каково оно именно) то, что у Евангелиста называется и разумѣется словомъ *вся*. И какъ великій Давидъ, сказавъ, что все покорено человѣку, присовокупилъ и тѣ роды, какіе заключены въ словѣ: *все*, то есть животныя земныя, водяныя и воздушныя (Пса. 8, 7—9): такъ и истолкователь божественныхъ догматовъ Апостолъ Павелъ, сказавъ: *тьма создана быша всяческая* (Кол. 1, 16.), понятіе слова:

всѣческая, опредѣляетъ перечисленнымъ; ибо говоритъ: *видимая и невидимая*, подъ словомъ *видимая*, какъ уже сказано, объемля извѣстное чувству, а именовъ: *невидимая* давая разумѣть естество разумныхъ.

Но что касается до чувственнаго, то Апостоль не имѣлъ нужды перечислять все до мелочи поименно. Ибо никто не плотянь и не скотенъ столько, чтобы и Духа Святаго предполагать принадлежащимъ къ чувственному. Упомянувъ же о невидимыхъ, поелику и естество Духа также разумно и безплотно, чтобы не подумалъ кто отнести къ нимъ и Духа по общему свойству невидимости, дѣлаетъ весьма ясное раздѣленіе между приведеннымъ въ бытіе сотвореніемъ, и между превысшею твари сущностию. Ибо перечисляетъ въ словѣ сотворенное, называя нѣкіе *престолы, начала, власти, господствія* (Кол. 1, 16.), и нѣкими родовыми и собирательными именами излагая ученіе о сихъ невидимыхъ силахъ, а что выше твари, то самымъ молчаніемъ оставляетъ внѣ числа существъ сотворенныхъ. Какъ если кто, получивъ приказаніе пересказать поименно мелкихъ и низшихъ начальниковъ въ войскѣ, управляющихъ рядомъ или взводомъ, сотниковъ и тысячникъ, и ежели есть другія какія именованія начальствъ надъ частями, поименовавъ всѣхъ, не сдѣлаетъ ни какаго упоминанія о власти все содерожащей и управляю-

щей всею сплюю, не по презорству, или не по забвенію, умолчавъ о семъ преобладающемъ начальствѣ, но потому что приказано ему было, или самъ онъ предположилъ перечислить только подвластное и подчиненное чиновначаліе, включивъ же въ этотъ памятный списокъ низшихъ и главноначальствующаго, оскорбилъ бы его: такъ, кажется мнѣ, поступилъ и Павелъ, посвященный въ неизреченныя тайны, когда восхищенъ былъ въ рай, и ставъ зрителемъ пренѣбесныхъ чудесъ, видѣлъ и слышалъ неизглаголанное для людей. И онъ, намѣреваясь преподать ученіе о томъ, что сотворено Господомъ, когда изобразилъ это въ словѣ ивѣскими собирательными именами, описавъ ангельскую и премірную силу, остановилъ рѣчь на упомянутомъ выше, не внося въ списокъ тварей того, что превыше твари; такъ что симъ ясно засвидѣтельствовано въ Писаніи, что Духъ Святыи выше твари.

Но если кто возразить на сіе, что Павломъ не упомянуты и херувимы, но въ перечисленіи созданнаго и о нихъ умолчано, какъ и о Духѣ, и тѣмъ, что не сдѣлано о нихъ упоминанія, станетъ доказывать, что или и ихъ должно признать высшими твари, или не признавать сего о Духѣ: то пусть вникнетъ онъ въ значеніе перечисленныхъ названій, и повидимому опущенное усмотритъ въ сказанномъ, потому что упоминаніе сдѣлано не поименно.

Ибо, упомянувъ о престолахъ, Апостоль другимъ именемъ изобразилъ херувимовъ, болѣе извѣстнымъ названіемъ выразивъ на еллинскомъ языкѣ неясное еврейское слово. Слыша, что Богъ возсѣдаетъ на херувимахъ, Апостоль силы сіи наименовалъ престолами Возсѣдающаго на нихъ. Но также и серафимы у Исаи (Иса. 6, 2. 3.), которыми ясно проповѣдана тайна Троицы, когда, изумѣвая предъ лѣнотою каждаго Лица въ Троицѣ, чудесно зывали это слово: *святъ*, — заключаются въ списокъ упомянутыхъ, наименованные словомъ: *силы* у великаго Павла, и еще прежде сего у пророка Давида. Ибо говоритъ онъ: *благословите Господа вся силы Его, слуги Его, творящія волю Его* (Пса. 102, 21.). Исаія же вмѣсто того, чтобы сказать: *благословите*, написалъ самыя слова благословенія: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: исполнь вся земля славы Его*. А что слуги суть эти силы, творящія волю Божию, Пророкъ далъ разумѣть сіе въ очищеніи грѣховъ, какое по волѣ Пославшаго совершено однимъ изъ серафимовъ (Иса. 6, 6. 7.). Ибо вотъ служеніе сихъ духовъ — быть посылаемыми во спасеніе спасаемыхъ.

Сіе-то, кажется мнѣ, уразумѣвъ и дознавъ, что одно и то же у двоихъ пророковъ означаетъ различными названіями, избравъ же самое извѣстное реченіе, Божественный Апостоль серафимовъ наименовалъ силами, что-

бы клеветникамъ не осталось никакого предлога утверждать, будто бы и Духъ Святый наравнѣ съ однимъ изъ нихъ пропущенъ въ спискѣ тварей. Ибо объ одномъ сказано, по доказанному уже, а о другомъ умолчано, какъ можно сіе дознать изъ поименованнаго Павломъ, который всю тварь исчислилъ во множественномъ числѣ, а объ именуемомъ единично упомянулъ въ числѣ единственномъ; потому что сіе свойственно Святой Троицѣ — быть возвѣщаемою единично: единъ Отець, единъ Сынъ, единъ Духъ Святый. Все же поименованное у Апостола выражено во множествѣ: *начала, власти, господства, силы*, чтобы не подать повода къ предположенію, будто бы въ числѣ ихъ и Духъ Святый. Но Павелъ умалчиваетъ о неизреченномъ, и прекрасно сіе дѣлаетъ. Ибо умѣлъ и слышать въ раю *неизреченны глаголы* (2 Кор. 12, 4.), и удерживаться отъ истолкованія неизразимаго словомъ, когда ведетъ рѣчь о чемъ либо низшемъ.

24. Враги истины отваживаются касаться и несказаннаго величія Духа, оскорбляя низведеніемъ до низости твари, будто бы не слыхавъ, какъ Самъ Богъ-Слово, предавая ученикамъ тайну боговѣдѣнія, сказалъ, что именемъ Отца и Сына и Святаго Духа совершается жизнь возраждаемыхъ и сообщается имъ, и чрезъ это Духа, соединивъ съ Отцемъ и съ Собою, исключилъ изъ понятія о твари;

такъ что благочестивая и боголѣпная о Немъ мысль составляется, и когда Павелъ при упоминаніи о твари умолчалъ, и не упомянулъ о Духѣ, и когда Господь, при упоминаніи о животворящей силѣ, Духа Святаго присоединилъ ко Отцу и къ Себѣ. Такъ наше ученіе, руководясь святымъ Писаніемъ, выше твари поставляетъ Единороднаго и Духа Святаго, и, по изреченію Спасителя, предполагаетъ созерцать ихъ вѣрою въ блаженномъ, животворящемъ и несозданномъ естествѣ; такъ что высшее твари, по нашему вѣрованію, единое въ первенствующемъ и по всему совершенномъ естествѣ, никоимъ образомъ не допускаетъ и понятія о меньшинствѣ, хотя начальникъ ереси усѣкаетъ неопредѣлимое примышленіемъ сего меньшинства, какъ бы умаляя и сокращая совершенство Божественной сущности, когда утверждаетъ, что усматриваетъ въ ней и большее и меньшее.

Поэтому посмотримъ, что присовокупляетъ Евномій по порядку къ сказанному. Послѣ словъ, что «по необходимости должно полагать, будто бы сущности однѣ меньше, а другія больше», и однѣ состоятъ въ первомъ ряду, по нѣкому отличію въ величинѣ и достоинствѣ возведены до предпочтенія; другія же унижены по низшей степени естества и достоинства. присовокупилъ онъ слѣдующее: «до такой доходятъ они разности, до какой до-

ходить и дѣла; ибо непозволительно называть однимъ и тѣмъ же дѣйствованіемъ то, которымъ сотворилъ Богъ ангеловъ, или звѣзды и небо, или человѣка; но насколько одни дѣла выше и предпочтеннѣе другихъ дѣлъ, столько же одно дѣйствованіе превысшимъ другаго назоветъ иный, увѣренный въ томъ, что тѣмъ же дѣйствованіями производится тождество дѣлъ, а различныя дѣла указываютъ на различныя дѣйствованія.

Посему, думаю, что самъ писатель легко не могъ бы сказать, что именно разумѣвъ, написалъ онъ это; смыслъ сказаннаго такъ затемненъ непроницаемостію выраженія, что никто не будетъ въ состояніи съ удобствомъ въ этой тиѣ разсмотрѣть, какая цѣль у выражающихся такъ. Ибо выраженіе: «доходятъ до такой разности, до какой доходятъ дѣла,» иный признаетъ за изреченіе какаго-то по языческой баснѣ прорицателя (ж), путающаго слова для обмана слушателей. Если же, слѣдуя разобранному доселѣ, надлежитъ гадать и о томъ, что хочетъ доказать здѣсь Евномій, то доказывається вотъ что: сколько есть различія у одного дѣла съ другимъ, столько будетъ признаваемо взаимной разности въ дѣйствованіяхъ. Посему о какихъ дѣлахъ идетъ здѣсь рѣчь,

---

(ж) *Δοξίον*, собств. прозваніе Аполлона.

сего нельзя найти въ сказанномъ. Ибо если Евномій говоритъ о видимомъ въ твари, то, не знаю, какую связь имѣеть это съ предыдущимъ. Посяку вопросъ объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, то кстати ли Евномію естествословить о землѣ, водѣ, воздухѣ, огнѣ, о разностяхъ животныхъ, описывать это словомъ, изображать дѣла, которыя старѣе и предпочтительнѣе другихъ дѣлъ, и не безъ основанія утверждать, что одно дѣйствованіе другаго превосходитѣе. Если же дѣлами называетъ Единороднаго Сына и Святаго Духа; то о какихъ опять говоритъ разностяхъ дѣйствованій, которыми совершены дѣла сіи? И какія тѣ самыя дѣйствованія, которыми превъшаются другія? Ибо не объяснилъ онъ, что разумѣеть подъ восхожденіемъ, которымъ одно дѣйствованіе, какъ говоритъ онъ, превосходитъ другое; ничего также не сказано объ естествѣ дѣйствованій, но и донынѣ рѣчь у него не дошла ни до чего опредѣленнаго, какъ не утверждаетъ, что дѣйствованіе есть нѣчто осуществленное, такъ не доказываетъ, что оно есть нѣкое неосуществившееся движеніе воли. Ибо смыслъ сказаннаго, совершенно оставленный по срединѣ между тѣмъ и другимъ предположеніемъ, склоняется къ каждому изъ сихъ понятій.

Присовокупляетъ же Евномій, что непозволительно называть однимъ и тѣмъ же дѣйство-

ваніе, которымъ сотворилъ Богъ ангеловъ, или звѣзды и небо, или человѣка. Опять по какой необходимости или связи присоединилъ сіе къ сказанному, или что особенно доказывається этимъ? Развѣ что дѣйствования различаются одно отъ другаго въ той мѣрѣ, въ какой есть взаимная разность и въ дѣлахъ, доказываетъ тѣмъ, что не все есть дѣло одного и того же, но иное приведено въ бытіе инымъ. Но сего не усматриваю. Изъ Писанія же дознали мы, что все—дѣло Единого:—и небо, и ангель, и звѣзды, и человѣкъ, и все, умопредставляемое въ твари. Ученіе же ихъ догмата утверждаетъ, что—Сынъ и Духъ суть дѣла не одного, но какъ Сынъ есть дѣло послѣдующаго за первою сущностію дѣйствованія, такъ Духъ опять другое дѣло перваго дѣла. Посему что общаго имѣютъ съ утверждаемымъ ими небо, и человѣкъ, и ангель, и звѣзда, совокупленные теперь въ словѣ, пусть скажетъ самъ Евномій, или кто нибудь изъ сообщниковъ его несказанной мудрости. Ибо нечестіе этого явно открывается въ сказанномъ; а на чемъ утверждается сіе нечестіе, то даже само съ собою несогласно. Ибо явное нечестіе—думать, что во Святой Троицѣ усматривается столькоже разности, сколько примѣчается въ небѣ, объемлющемъ всю тварь, и въ одномъ по числу человѣкъ, или въ одной видимой на небѣ звѣздѣ. Сопоставленіе же по-

нятій и связь доказательства на все это (утверждаю это) ни мнѣ, ни самому, можетъ быть, отцу хулы неудобовразумительны. Если бы подобно сему рассуждалъ онъ о твари, а именно, что небо есть дѣло высшаго нѣкоего дѣйствования, а звѣзда—произведеніе дѣйствования послѣдующаго за небомъ; произведеніе же звѣздъ—ангелъ, и ангела—человѣкъ; то рѣчь его сравненіемъ подобныхъ вещей служила бы нѣсколько къ подтвержденію догмата. Если же все это приведено въ бытіе однимъ, въ чемъ самъ онъ соглашается, если только не вовсе идетъ вопреки слову Писаній; а въ происхожденіи Сына и Духа опредѣляетъ нѣкій иной способъ: то что общаго у послѣдовавшаго съ предыдущимъ?

Но уступимъ, что къ доказательству различія сущностей есть въ этомъ нѣчто общее; потому что ему желательно доказывать сіе тѣмъ, что говоритъ. Но послушаемъ, какъ связалъ онъ послѣдующее съ сказаннымъ. «Сколько одни дѣла, говоритъ онъ, старше и предпочтительнѣе другихъ дѣлъ, столько и дѣйствование, скажетъ инойъ благочестиво мыслящій, превосходитъ надъ дѣйствованиемъ.» Если говоритъ онъ это о подлежащемъ чувствамъ, то рѣчь его далека отъ предположеннаго; ибо предположившему рассуждать о догматахъ какая необходимость любомудрствовать о порядкѣ міротворенія и утверждать, что съ величи-

ною каждой сотворенной вещи соразмѣрны высшія и низшія дѣйствования Сотворшаго? А если вѣдетъ рѣчь не о томъ, и дѣлами старѣйшими и предпочтительнѣйшими другихъ дѣлъ называетъ дѣла, выдуманная имъ нынѣ въ догматѣ, то есть, Сына и Духа Святаго; то хорошо, можетъ быть, въ молчаніи паче возмущаться сею мыслию, нежели, вступивъ съ нею въ борьбу, тѣмъ самымъ доказывать, по видимому, что она имѣетъ значеніе. Ибо какъ найдется предпочтительнѣйшее тамъ, гдѣ ничего нѣтъ неуважительнаго? Если въ Евноміѣ склонность и готовность къ злу простерлась до того, что именованіе и понятіе неуважительнаго предполагаетъ въ чемъ либо такомъ, что по нашему вѣрованію есть во Святой Троицѣ, то надлежитъ зажать уши, и сколько есть силы, бѣжать отъ лукаваго слышанія, чтобы въ слушающемъ не произошло какого общенія съ скверною, когда, какъ изъ нѣкоего сосуда, полнаго нечистоты, перельется слово въ сердце слушающихъ.

Ибо какъ осмѣлится кто о естествѣ Божественномъ и превысшемъ сказать что либо такое, чѣмъ сравнительно въ словѣ наводится мысль на менѣе достойное уваженія? *Да вси, сказано, чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. 5, 23.). Поелику изреченіе сіе узаконяетъ равенчестіе, такъ какъ божественное слово есть законъ; то Евномій отменеть и законъ и са-

мага Законодателя, одному удѣляетъ онъ большее, а другому меньшее чествованіе, не знаю, гдѣ обрѣтши мѣру избыточествующаго честию. Ибо по людскому обычаю разности достоинствъ опредѣляютъ и почести обладающимъ, такъ что подвластные не въ одинаковомъ и равномъ видѣ представляются царямъ и низшимъ начальствамъ, но большее и слабѣйшее обнаруженіе страха и уваженія въ представляющихся показываетъ недостатокъ или избытокъ чествованія предъ чтимыми. И посему особенно предпочтительнѣйшихъ можно находить по расположенію подвластныхъ, когда кто наиболѣе страшенъ для ближнихъ и, по видимому, удостоивается большаго предъ прочими уваженія. Въ Божественномъ же естествѣ, такъ какъ въ немъ открывается все совершенство благъ, по слову Божию, не возможно, сколько мы разумѣемъ, найти и способа предпочтенія. Въ Нихъ немислимы ни избытокъ, ни недостатокъ и силы, и славы и мудрости, и челоуѣколюбія, вообще чего либо понимаемаго какъ блага; напротивъ того все блага, какія имѣетъ Сынъ, принадлежатъ и Отцу, и все принадлежащее Отцу усматривается въ Сынѣ. Какъ же оправдаемся, большую честь воздавая Отцу? Если царскую власть постигаемъ разумнѣіемъ по ея достоинству, то Сынъ есть Царь. Если представимъ въ умѣ судію, то весь судъ принадлежитъ Сыну. Если занн-

масть нашу душу величіе твари, то *вся Тьма быша* (Іоан. 1. 3.). Если уразумѣемъ причину нашей жизни, то знаемъ, что истинная жизнь спизошла даже до нашего естества. И если дознали преставленіе изъ тмы, то не незнаемъ истинный свѣтъ, которымъ освобождены мы изъ тмы. Но если кому драгоценною кажется мудрость; то *Христосъ — Божія сила и Божія пренудрость* (1 Кор. 1, 24.).

Итакъ, поелику душа наша, по справедливости, сколько возможно для ней, столько исполнена удивленія къ таковымъ и столь великимъ чудесамъ Христовымъ; то какой можно представить избытокъ чести, по преимуществу воздаваемой одному Отцу, въ которомъ прилично было бы не имѣть части Господу? Ибо это самое—человѣческое чествованіе Божества, въ надлежащемъ смыслѣ разсматриваемое, не иное что есть, какъ полная любви привязанность и исповѣданіе присущихъ въ Немъ благъ, и мнѣ кажется, что любовь и предписана въ Божіемъ словѣ, когда сказано: такъ должно чтить Сына, какъ чествуется Отець. Ибо законъ, повелѣвая любить Бога всѣмъ сердцемъ и всею силою, предписываетъ воздавать Ему подобную честь; и здѣсь слово Божіе, узаконяя равносильную любовь, говоритъ такъ: Сына чествовать должно, какъ чествуется Отець.

Сей способъ чествованія вышолнять предъ

Господомъ и великій Давидъ; въ предисловіи къ одному псалмопѣнію, исповѣдуя, что возлюбилъ онъ Господа, и перечисляя причины любви, называетъ Бога *крѣпостію, утвердителемъ, приближителемъ, избавителемъ, Богомъ, помощникомъ, утѣшителемъ, защитникомъ, рокомъ спасенія*, заступникомъ и подобными именами (Пса. 17, 2. 3.). Посему, если Единородный Сынъ не содѣлался симъ для людей, то пусть, по закону ереси, прекращено будетъ преувеличеніе воздаваемой за сіе чести. Если же вѣруемъ, что всѣмъ этимъ, и что еще выше, и есть и именуется Единородный Богъ, по всякому умопредставленію добраго дѣла и доброй мысли, будучи въ равенствѣ съ величіемъ благодости, сущей во Отцѣ; то какъ назоветъ кто основательнымъ или не любить такого, или не чтить возлюбленнаго? Ибо никто не скажетъ, что любовь должна происходить отъ всего сердца и отъ всей силы, а чествованіе отъ половины. Посему если отъ всего сердца чтится Сынъ, потому что Ему посвящается вся любовь; то какое примышленіе изобрѣтетъ что-либо большее сего чествованія, когда все сердце, сколько вмѣщаетъ, въ такой мѣрѣ и чествованіе приносятъ Ему въ даръ любовію? Поэтому суетенъ, кто при досточтимомъ по естеству учитъ о предпочтительномъ, и такимъ сравненіемъ останавливаетъ мысль на недостойномъ чествованія.

25. О твари справедливо можно сказать: это старше; потому что послѣдованіе дѣлъ показано въ порядкѣ дней, и о сотвореніи человѣка ннѣ скажетъ: настолько-то предшествовало оному небо, и измѣритъ протекшее между тѣмъ время разстояніями дней. Въ первомъ же естествѣ, которое выше всякаго понятія о времени, и не вмѣщается ни въ одномъ удобопостижимомъ примышленіи, иное представлять себѣ упредившимъ по давности времени, другое опоздавшимъ—принадлежитъ новоявленной ннѣ мудрости. Ибо утверждающій, что Отецъ старше Упостаси Единороднаго, не иное что утверждаетъ, какъ то, что самъ Сынъ моложе сотвореннаго Сыномъ; если только справедливо сказать, что всѣ вѣка, и все временное разстояніе произведены послѣ Сына и Сыномъ. И къ этому еще (что наиболѣе изобличаетъ нелѣпость ученія) на основаніи сего не Сыну только припишется какое-то временное начало бытія, но въ слѣдствіе этого не пощадятъ и Отца, и о Немъ утверждая, что возымѣлъ начало во времени. Ибо если прилагается какое либо указаніе, означающее рожденіе Сына; то явно опредѣлитъ оно начало и Отчей упостаси.

Но не неблаговременно, можетъ быть, для ясности тщательнѣе изслѣдовать сіе ученіе. Выдающій за догматъ, что жизнь Отца старше жизни Сына, нѣкоторымъ разстояніемъ време-

ни отдѣляетъ Единородного отъ Сущаго надъ всѣми Бога, о семъ же среднемъ между Ними разстояніи предполагаетъ, что оно есть нѣчто или безпредѣльное, или заключенное въ нѣкоторыя предѣлы и опредѣленное явными признаками. Но назвать Его безпредѣльнымъ не позволяетъ мысль о средѣ, которая непременно ограничить въ умѣ и понятіе объ Отцѣ и понятіе о Сынѣ; да и самой этой среды не пойметъ умъ, пока безпредѣльное ни съ одной стороны не будетъ опредѣлено, и понятіе объ Отцѣ сверху не преградитъ продолженія безпредѣльному, и понятіе о Сынѣ снизу не пресѣчетъ безпредѣльности, потому что самое понятіе безпредѣльнаго требуетъ того, чтобы всюду разливаться естественномъ и ни откуда никакимъ предѣломъ не быть ограниченоу.

Посему (въ разсужденіи Отца и Сына твердымъ и непреложнымъ да пребудетъ понятіе бытія!) ни какой не будетъ возможности разстояніе сіе представлять себѣ безпредѣльнымъ; напротивъ того по всей необходимости Единороднаго представляютъ они себѣ въ опредѣленномъ нѣкоемъ разстояніи отъ Отца. А это, какъ утверждаю, значить, что по ученію сему и Сый надъ всѣми Богъ не отъ вѣчности, но возымѣлъ начало съ нѣкою опредѣленной точки времени. Такова моя мысль, которую сказываю; къ объясненію же оной извѣстными примѣрами, чтобы посредствомъ ви-

димаго содѣлалось для насъ яснымъ и неизвѣстное, присовокуплю: по Моисееву писанію утверждая, что послѣ неба въ пятый день сотворенъ человѣкъ, симъ словомъ, не произнося въ слухъ, утверждаемъ также, что за пять до сего дней неба еще не было; такъ совершающееся послѣ чего нибудь предшествующимъ ему разстояніемъ времени опредѣляетъ существованіе и того, что умопредставляется бывшимъ прежде. Если же примѣромъ симъ недостаточно уяснили мы свою мысль; то можемъ разумѣемое нами представить иначе, говоря, что законъ данъ чрезъ Моисея по истеченіи четырехъ сотъ тридцати лѣтъ отъ обѣтованія Аврааму. Если отъ закона возвратившись назадъ, и протекши мыслию предшествующее ему время, достигнемъ предѣла поименованному числу лѣтъ; то ясно поймемъ, что до сего времени обѣтованія Божія еще не было. И многое можно сказать подобное сему; но отказываюсь перечислять все сіе поодиночкѣ, такъ какъ это дѣло скучное.

По сему въ слѣдствіе сказаннаго въ примѣрахъ изслѣдуемъ подлежащій вопросъ. А онъ состоитъ въ слѣдующемъ: объ вностасяхъ Отца и Сына и Святаго Духа утверждать ли, что онѣ, согласно съ мнѣніемъ противниковъ, одна другой старше и моложе? Поэтому, когда перейдя за рожденіе Сына, какъ выражается еретическое ученіе, приступимъ вотомъ къ

среднему разстоянію, какое предполагается въ неосновательномъ мнѣніи преподающихъ сіе ученіе и утверждающихъ, что есть нѣкое разстояніе между Отцемъ и Сыномъ; тогда, если достигнемъ той крайней точки, которою еретики разграничиваютъ промежуточное разстояніе, то находимъ тамъ жизнь Бога всяческихъ стоящею вверху, такъ что предъ этою точкою по необходимости образуется что-то, гдѣ, какъ должно вѣрить, нѣтъ вѣчно сущаго Бога.

Если же сомнѣваешься еще; то опять мысль сію сдѣлаемъ понятною при помощи примѣровъ. Ибо какъ на двухъ линейкахъ, когда одна короче, а другая длиннѣе, сравнивъ ихъ основанія, по верхнимъ концамъ познаемъ избытокъ; потому что, приложивъ конецъ меньшей линейки, по оному видимъ, каковъ въ той, которая длиннѣе, излишекъ, и находимъ, чего не достаетъ той, которая короче, остатокъ до конца большей приравнявъ какой-либо мѣрѣ; будетъ ли это локоть, или другая величина, на которую большая линейка не равняется съ меньшею: такъ, ежели, по словамъ противниковъ, есть какой избытокъ жизни Отца предъ жизнію Сына, то, конечно, состоитъ въ нѣкоемъ извѣстномъ разстояніи; оно же (въ семъ необходимо согласятся и противники; ибо и враги истины исповѣдуютъ, что Отецъ и Сынъ равно безсмертны) не въ излишествѣ продолженія полагается, напротивъ того раз-

ность сію представляютъ себѣ въ верхнемъ предѣлѣ, жизнь Сына не равняя съ жизнью Отца, но протяженіемъ жизни расширяя понятіе объ Отцѣ. Итакъ, поелику разстояніе опредѣляется двумя концами; то, конечно, по всей необходимости, и въ придуманномъ ими разстояніи берутся двѣ точки, обозначающія собою концы. Посему, какъ одна часть, по словамъ ихъ, имѣетъ начало въ рожденіи Единороднаго, такъ и другой край непременно кончится другимъ нѣкимъ предѣломъ, которымъ ограничиваетъ себя соотвѣтствующее разстояніе. Посему, что это за предѣлъ, пусть скажутъ сами, если не стыдятся слѣдовать собственнымъ своимъ словамъ.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ этой мысли, а именно, что къ одной части выдуманнаго ими разстоянія не найдутъ другой части, если не будетъ непременно предположено и нерожденному какое-либо начало, послѣ котораго средину берутъ они мысленно для рожденія Сына. Посему утверждаемъ: кто говоритъ, что нѣкимъ протяженнымъ продолженіемъ Сынъ позднѣе жизни Отца, тотъ и Отцу даетъ определенное начало существованія, описуемое вымышленнымъ среднимъ разстояніемъ; и въ такомъ случаѣ, въ слѣдствіе такого довода, окажется у нихъ оная пресловутая нерождаемость Отца утаеваемою самими защитниками нерождаемости, такъ какъ говорятъ, что не всегда

существуетъ нерожденный Богъ, утверждаютъ же, что съ нѣкотораго начала возымѣлъ Онъ начало бытія; ибо Кто имѣеть начало бытія, Тотъ не безначаленъ. Если же во всякомъ случаѣ надлежитъ исповѣдывать безначальность Отца, то не допытывайся какого либо опредѣленнаго указанія началу жизни Сына, съ котораго начавъ бытіе, отдѣляется Онъ отъ жизни, какая по другую сторону сего указанія; но достаточно представлять, что Отецъ прежде Сына въ значеніи только причины, не предполагая, что жизнь Отца была отдѣленною и особою когда либо до рожденія Сына, чтобы съ симъ понятіемъ не вошло вмѣстѣ нѣкое представленіе о протяженіи, до явленія Сына измѣряемомъ жизнію Родшаго; необходимымъ слѣдствіемъ чего будетъ предположеніе нѣкотораго начала въ жизни Отца, на которомъ остановится вымышленное ими протяженіе времени, пока Отецъ не былъ Отцемъ, простирающееся вверху и опредѣляющее собою начало умопредставленной ими предшествующей жизни Отца. Но исповѣдуя то, что отъ Отца, хотя покажется это и смѣлымъ, не отрицаемъ, что оно со Отцемъ, путеваемые къ сему понятію Писаніемъ. Ибо, слыша отъ премудрости о сіяніи вѣчнаго свѣта (Евр. 1, 3.), вмѣстѣ съ вѣчностію созерцаемъ сіяніе первообразнаго свѣта, и представляя себѣ причину сіянія и не допуская старѣйшинства. И такимъ обра-

зомъ сохраняется у насъ ученіе благочестія: и у Сына нѣтъ недостатка въ высшей части жизни, и вѣчность Отца не умаляется предположеніемъ опредѣленнаго начала у Сына.

26. Но кто нибудь изъ противниковъ сего положенія скажетъ, можетъ быть, что и тварь, какъ признано, имѣеть начало, однакоже сотворенное не умопредставляется совѣчнымъ Создателю, и собственнымъ своимъ началомъ не вводитъ опредѣленія въ неопредѣлимую Божию жизнь; какъ изслѣдованіе о Сынѣ и объ Отцѣ показало въ этомъ несообразность. И потому слѣдуетъ, или тварь признать совѣчною Богу, или безъ страха утверждать о Сынѣ, что Онъ позднѣе Отца. Ибо мысль о разстояніи одинаково оказывается несообразною, когда и отъ твари прилагается къ Сотворенному.

Но дѣлающій такое возраженіе, не точно, можетъ быть, вникнувъ въ смыслъ догмата, оспариваетъ сказанное съ помощію того, что чуждо предложенному, и вовсе не имѣеть съ нимъ ничего общаго. Ибо если бы указалъ нѣчто высшее твари и имѣющее начало осуществленія въ нѣкоей отстоящей точкѣ, и всѣми признавалось это возможнымъ, то есть, чтобы понятіе о протяженіи времени мыслимо было прежде творенія; то, можетъ быть, открывался бы возражающему случай, доказанную въ изложенномъ доселѣ, вѣчность Единороднаго попытаться опровергнуть такими до-

водами. Поелику же по общему приговору всѣхъ благочестивыхъ признается, что, если взять всѣ существа, то иное произошло твореніемъ, а другое было до творенія; и мы вѣруемъ, что Божественное естество не создано, и какъ слово благочестія учить, въ Немъ одно есть причина, другое неотступно отъ причины имѣть Упостасть, тварь же усматривается въ нѣкоемъ протяженномъ разстояніи; то весь временный порядокъ и рядъ сотвореннаго объемлется вѣками, предвѣчное же естество избѣгло сихъ разностей — быть старше или моложе; потому что въ Божественной и блаженной жизни не усматривается ничего того, что разумъ видитъ собственно въ твари. Ибо всякая тварь, какъ сказано, приводимая въ бытіе въ нѣкоемъ послѣдованіи по порядку, измѣряется разстояніемъ вѣковъ: и если кто по ряду сотвореннаго взойдетъ разумомъ къ началу приведеннаго въ бытіе, то изысканіе свое ограничить основаніемъ вѣковъ. Превысшая же твари сущность, какъ далекая отъ всякаго представленія о протяженіи, избѣгла всего временнаго ряда, ни отъ какого подобнаго начала, никакимъ способомъ, находимымъ по какому бы то ни было порядку, не поступая ни къ какому предѣлу, или не заключая своего теченія симъ предѣломъ. Ибо кто переходитъ вѣка и все совершившееся въ нихъ, тому созерцаніе Божественнаго естества, предъявив-

шись его помысламъ, какъ нѣкое обширное море, не даетъ никакого въ себѣ знака, указующаго на какое-либо начало, какъ бы ни простираеть онъ вдаль удобопостигающее воображеніе, такъ что допытывающійся о томъ, что старше вѣковъ, и восходящій къ началу вещей ни на чемъ не можетъ остановиться помысломъ; потому что искомое всегда убѣгаетъ, и пытливости ума нигдѣ не указываетъ мѣста къ остановкѣ.

Но ученіе сіе ясно хотя сколько нибудь вникавшему въ естество существъ, и именно, что Божественной и блаженной жизни ничто не можетъ быть мѣрою; ибо не она во времени, но время отъ нея; тварь же непремѣнно отъ какаго либо признаннаго начала стремится къ собственной своей цѣли, идя временными разстояніями; такъ что можно, какъ гдѣ-то говоритъ Соломонъ, усматривать ея *начало и конецъ и средину* (Прем. 7, 18.). временными отдѣлами означающія рядъ происходящаго въ ней. Но превысшая и блаженная жизнь, такъ какъ не сопровождается никакимъ протяженіемъ, не имѣетъ ничего ни измѣряющаго, ни объемлющаго ее. Ибо все сотворенное, ограничиваемое собственными своими мѣрами, какъ угодно сіе премудрости Сотворшаго, какъ бы предѣломъ какимъ, объемлетъ приличною сему мѣрою, сколько сіе нужно для благоустройства вселенной. Посему, хотя по немощи человѣ-

ческому разумку не доступно истолкованіе усматриваемаго въ твари; однако несомнѣнно то, что все силою Сотворшаго приведено въ совершенство, и находится въ предѣлахъ свойственныхъ твари. Творящая же существа сила, описующая въ себѣ естество сотвореннаго, сама не имѣетъ объемлющаго ее; всякая мысль, устремляющаяся взойти къ началу божественной жизни, заключается въ себѣ самой, превышаетъ всякую мѣру пытливости и любознательности, усиливающихся достигнуть предѣла въ неопредѣлимомъ. Ибо всякое восхожденіе ума выше вѣковъ и поступленіе вдаль до того только возвысится, что можно будетъ видѣть неизслѣдимость искомаго, и невидимому, какъ бы мѣрою какою и предѣломъ движенія и дѣятельности человѣческихъ помысловъ служить время и бытіе во времени, а что выше сего, то остается непостижимымъ и неприступнымъ для разсудка, чистымъ отъ всего, что можетъ подходить къ человѣческому разумнью. Ибо въ чемъ не представляется ни вида, ни мѣста, ни величины, ни мѣры времени, ни другаго чего умопостигаемаго, въ томъ постигающая сила ума, ищущая, за что ей взяться, по необходимости, какъ сроднаго и близкаго себѣ, възыщетъ времени и твари во времени; такъ какъ непостижимое естество повсюду отъ нея ускользаетъ.

Всякому, сколько нибудь вникавшему въ сугр. Искк. Ч. V.

щества, извѣстно, думаю, это, что Создатель всяческихъ, основавъ вѣки и въ нихъ мѣсто, какъ бы вмѣстилище какое, принимающее въ себя сотворенное, уже въ нихъ творить все; потому что невозможно чему либо изъ прошедшаго, или приходящаго, въ бытіе посредствомъ сотворенія имѣть бытіе иначе, какъ только въ мѣстѣ и во времени. Естество же, ни въ чемъ не имѣющее пужды, вѣчное, въ себѣ содержащее всѣ существа,—и не въ мѣстѣ, и не во времени. Оно прежде нихъ и выше ихъ; по неизреченному закону, одною вѣрою созерцается въ Себѣ Самомъ, не измѣримое вѣками, не протекающее съ временами, но на Себѣ Самомъ остановившееся, въ Себѣ Самомъ водруженное, не съ прошедшимъ и не съ будущимъ вмѣстѣ созерцаемое. У Него и внѣ Его нѣтъ ничего такого, изъ чего, въ продолженіе прохожденія, одно уже проходитъ, другое будетъ проходить. Пбо случайности сін свойственны тварямъ, у которыхъ жизнь, сообразно дѣленію времени, дѣлится для надежды и для памяти. Въ оной же высокой и блаженной силѣ, въ которой все равно всегда присуще какъ настоящее, усматривается, что и ожидаемымъ непременно обладаетъ всеобъемлющая сила.

Посему Она есть та самая сущность, въ которой, какъ говоритъ Апостоль, *всяческая состоится* (Кол. 1, 17.), и мы, каждый особо

причащаясь бытія, *живемъ и движемъ и есмь* (Дѣян. 17, 28.); Она выше всякаго начала, не представляетъ признаковъ собственнаго своего естества, познается же единственно изъ того, что не можетъ быть постигнуто. Ибо наисобственнѣйшій признакъ ея тотъ, что естество ея выше всякаго представленія объ отличительныхъ свойствахъ. Потому тварь, такъ какъ не имѣетъ одного и тогоже значенія съ несозданнымъ, не входитъ въ сравненіе и общеніе съ Сотворшимъ по этому самому, то есть, по разности сущностей, и потому что въ себѣ самой занимаетъ собственный свой представительный видъ естества, не имѣющій ничего общаго съ тѣмъ, отъ чего произошла. Божественное же естество, какъ чуждое всѣхъ признаковъ, особенно усматриваемыхъ въ твари, ниже себя оставляетъ временныя отдѣлы, разумѣю: старшее, младшее, и всѣ мѣстныя примышленія, такъ что о Немъ не говорится въ собственномъ смыслѣ и слово: выше. Ибо все умопредставляемое о несозданной силѣ есть самая высота и начало, и удерживаетъ значеніе сказаннаго въ самомъ собственномъ смыслѣ.

Итакъ, послѣку сказаннымъ приведено въ несомнѣнность, что не въ числѣ тварей Единородный Сынъ и Божій Духъ, а напротивъ того вѣровать должно, что Они выше твари; то, можетъ быть, тварь любознательностію

усиливающихся изыскать подобное сему будетъ постигнута при какомъ либо особомъ началѣ, а что выше твари, то нимало не содѣляется отъ сего болѣе доступнымъ вѣдѣнію, потому что не находится въ этомъ никакого указательнаго прежде вѣковъ знака. Поэтому если въ несозданномъ естествѣ представляются чудныя Лица и имена: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый; то возможно ли пылливому любознательному уму, что постигаетъ онъ въ дольнемъ, одно на другомъ сравнительно основывая по какому-то разстоянію времени, тоже признавать и въ сущности не созданной и предвѣчной, въ которой Отецъ безначаленъ, нерожденъ и умопредставляется всегда какъ Отецъ; а отъ Него непрерывно и неотлучно умопредставляется вмѣстѣ съ Отцемъ Единородный Сынъ; чрезъ Сына же и съ Нимъ, прежде нежели мысль встрѣтитъ какую-то пустоту и неосуществленную среду, немедленно и соединенно постигается и Духъ Святый, не позднѣе Сына по бытію, такъ чтобы Единородный нѣкогда былъ умопредставляемъ безъ Духа; но и Онъ Бога всяческихъ, и причиною бытія имѣя то самое, отъ чего и Единородный есть свѣтъ, возсіявшій отъ истиннаго свѣта, ни разстояніемъ какимъ, ни инаковостію естества не отдѣляется отъ Отца или отъ Единороднаго. Ибо въ предвѣчномъ естествѣ нѣтъ разстоянія, и никакая разность въ сущности невозможна, потому

что невозможно и представить себѣ разность несозданнаго съ несозданнымъ: а Духъ Святыи несозданъ, какъ доказано въ предшествующихъ словахъ.

Поелику такъ понимаютъ это всё приѣмлющіе простой смыслъ просто выраженной проповѣди: то кстати ли сколько нибудь будетъ покуситься по понятію о твари расторгать союзъ Сына съ Отцемъ, какъ будто бы есть нѣкая необходимость и твари быть совѣчною, или признать, что Сынъ рожденъ послѣ? Ибо и роженіе Единороднаго не въ продолженіе вѣковъ, и сотвореніе не прежде вѣковъ, а по-сему никоимъ образомъ не слѣдуетъ дѣлать на части естество непротяженное, и вѣтворящую причину всего вносить мысленный нѣкій промежутокъ, говоря: не имѣлъ нѣкогда бытія Даровавшій бытіе всему.

Итакъ истинно сказанное прежде слово, что съ нероженностію Отца умопредставляется и вѣчность Единороднаго въ роженіи. А если допустить кто какое либо промежуточное разстояніе, которымъ роженіе Сына отсѣкается отъ жизни Отца: то симъ опредѣлится и начало жизни суцнаго надъ всѣми Бога, что нехъно. Но тварь, которая по собственному своему естеству есть нѣчто иное съ Сотворшимъ, ничто не препятствуетъ умопредставлять имѣющею нѣкое свое особенное начало, по сказанному нами, какъ и мнимо не

сходную съ пречистымъ и предвѣчнымъ ествомъ. Сказать, что изъ несуществующаго, или, какъ говоритъ Апостолъ, *отъ неявляемаго* (Евр. 11, 3.), пришли въ бытіе небо, или земля, или иное что видимое въ числѣ тварей, не дѣлаетъ никакого безславія Творцу всяческихъ ; такъ какъ и изъ божественнаго Писанія дознали мы, что твари не отъ вѣчности существуютъ, и не вѣчно пребудутъ. Если же нѣчто изъ того, что, по нашему вѣрованію, есть во Святой Троицѣ, признано будетъ не вѣчно сущимъ со Отцемъ; а напротивъ того, по еретическому ученію, придетъ кому либо на мысль, Сущаго надъ всеми Бога лишить на время славы Сына и Святаго Духа: то не иное что окажется, а только то, что Богъ, по еретическому ученію, далекъ отъ всякаго блага, отъ всего, что на самомъ дѣлѣ и по понятію божественно. Но если вѣчно славенъ Отецъ, существующій прежде вѣковъ, а слава Отца — предвѣчный Сынъ, равно и слава Сына — Духъ Христовъ, вѣчно созерцаемый кунно съ Сыномъ и Отцемъ: то откуда, и изъ какого заимствовавъ ученія, этотъ мудрецъ утверждаетъ, что между сущими не во времени есть старѣйшее, и между досточтимыми по естеству досточтимѣйшее, сравнительно ставя одно выше другаго, и предпочтеніемъ одного безчестя прочихъ? Ибо безъ сомнѣнія очевидно, къ чему ведетъ это различеніе досточтимости.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

стран.	стр.	
19	9	Евновія
21	14	сн. возставшимъ
23	4	— задремавъ
29	9	св. состязующими
31	1	сн. пожеленія
56	6	св. Кизисъ
71	7	— если и
74	15	сн. высказываетъ
81	2	— истиною
87	11	св. наименованіе
105	11	сн. ученія
148	8	— Онъ Бога
153	3	— бесплодно
157	10	св. къ дѣйствительности
236	10	сн. почититъ
246	9	св. сообща
276	4	сн. Слѣдствіе
313	8	св. словомъ
315	6	сн. того
317	9	— онъ
—	3	— Владыка
325	5	св. и обвиняетъ
327	4	— которами
349	7	— приращенія
352	9	сн. Еф.
353	8	св. Лук. 3,
—	2	сн. 20
363	8	св. Херувимы, Серафимы
364	6 и 7	(17, 4. 8.)

Должно читать:

Евновія
возставшихъ
не задремавъ
состязующимися
пожеланія
Кизикъ
если бы
высказываетъ
Истиною
наименованія
ученіе
Онъ отъ Бога
бесплодно
въ дѣйствительности
почтетъ
сообщая
Въ слѣдствіе
Словомъ
то
Онъ
Владыка твари
когда обвиняетъ
которыми
приращенія славы
Евр.
Лук. 5,
27
Херувимы и Серафимы
(17, 48.)

370	14 св. первая	растѣнія
387	5 св. населенной	ненаселенной
391	12 — чрева	тѣла
402	3 св. вмѣстѣ	вмѣсто
403	12 св. Послѣду	Посему
405	13 — признавъ	принявъ
410	11 — отступниковъ	отступника
416	1 — дознавъ	дознавъ сіе
417	14 св. дознавъ отъ	дознавъ сіе отъ
420	4 — 2, 31.	2, 3.
429	6 св. перевозвести	превознесши
433	10 — Единороднаго Сына	Единороднаго и Сына
439	6 св. понятіе	понятія
465	11 св. Цирценой	Цирценой
472	2 св. догматъ.	догматъ, излагая въ видѣ разсказа иррадикальнаго уявившемуся.
481	14 — 3, 6	3, 8.
492	3 — согласнымъ	согласное
—	4 св. о себѣ	о Немъ

СОДЕРЖАНІЕ

СОРОКЪ ПЕРВАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(ЧАСТЬ V.)

	стран.
Посланіе св. Григорія Нисскаго къ брату его, Петру, епискоцу севастійскому	1
Посланія Петра Севастійскаго къ брату его, св. Гри- горію Нисскому	5
Опроверженіе Евномія	
книга первая	8
книга вторая	261
книга третья	381
книга четвертая	432
